Борьба за советы на Дальнем Востоке

Государственное военное издательство
Москва 1932

Борьба за советы на Дальнем Востоке

Сборник Дальневосточного землячества при музее РККА

Под редакцией П. М. Никифорова, И. В. Слинкина, Б. Н. Мельникова

Лит. редакция — В. А. Самойлов и М. В. Миронов

Выпуск I

Государственное военное издательство
Москва 1932

Борьба за советы на Дальнем Востоке

(Сборник Дальневосточного землячества при музее РККА). В 1932 году исполняется десять лет со времени освобождения Дальнего Востока от интенвертов и белогвардейщины. В ряде статей и очерков настоящего сборника дается картина героической борьбы красногвардейцев и партизан против белогвардейщины и интервенции на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг. Книжка показывает, как под руководством большевистской партии рабочий класс и бедняцко-середняцкое крестьянство Дальнего Востока в труднейших условиях гражданской войны одержали победу над превосходившим их в военно-техническом отношении классовым врагом. Читатель найдет в книге ряд эпизодов, рисующих зверства белогвардейцев и интервентов, методы партизанской и подпольной борьбы трудящихся масс против угнетателей, помощь населения красным борцам, организующую роль партийных и профсоюзных организаций и т. д. Эти материалы тем более ценны, что они написаны непосредственными участниками событий. Книжка, доступная любому грамотному читателю, будет с особым интересом прочитана участниками гражданской войны и партизанского движения.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ГК625 / Б 747 Р

КАБИНЕТ ИСТОРИИ К. А. ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

720232

37263

К печати подготовили:
Редактор М. Струве.
Техн. редактор Н. Автономов.
Корректора Мареева и Хлопков
Сдано в производство 19/X 1932 г.
Подписано к печати 4/XI
8 авторских листов
6 печатных листов
формат 62×93 1/16 д.
87 680 зн. в 1 бум. лис.
Главлит В-38341. Огиз 1359
Заказ № 20946 Тираж 7 000
1-я типография НКПС, Москва

Президиуму Дальневосточного краевого исполнительного комитета

Десять лет назад трудящиеся Дальнего Востока, после успешной борьбы с контрреволюционными бандами и интервентами, вынесли единодушное решение о присоединении Дальнего Востока к Советской России и об установлении на этой территории власти советов.

На протяжении истекших десяти лет советы Дальнего Востока, под руководством коммунистической партии и правительства, опираясь на широкие трудящиеся массы, развернули громадную работу по освоению естественных богатств края и, при крупнейших вложениях со стороны правительства, добились значительных успехов на этом пути.

Благодаря правильному проведению национальной политики партии трудящиеся массы всех многочисленных национальностей края активно участвуют в хозяйственном и культурном строительстве и, строго охраняя мирную политку Советского союза вместе с героической краснознаменной Дальневосточной Красной армией, дали решительный отпор стремлениям империалистов сорвать социалистическое строительство в нашей стране.

Приветствуя трудящиеся массы советского Дальнего Востока в день его десятилетия, президиум ВЦИК выражает уверенность, что на основе дальнейшего осуществления мероприятий по социалистической перестройке хозяйства края и укреплению границ Союза рабочие и трудящиеся Дальнего Востока вместе со всем рабочим классом и трудящимися Союза ССР успешно завершат дело построения социализма.

Председатель Всероссийского центрального
исполнительного комитета М. КАЛИНИН.

И. о. секретаря Всероссийского центрального
исполнительного комитета Н. НОВИКОВ.

П. НИКИФОРОВ

Партия как организатор и вождь партизанского движения на дальнем востоке

Героическая борьба партизан Дальнего Востока и Сибири с белогвардейщиной и интервенцией является одной из ярких страниц истории гражданской войны.

В 1918 г. революционный пролетариат Дальнего Востока и Сибири потерпел поражение в первых боях с войсками интервентов, стремившихся задушить пролетарскую революцию в России.

Большевики, оставшиеся в живых после разгрома советов, на воле и в тюрьмах быстро наладили связь между собой и возглавили новый под'ем революционной волны. Организации коммунистической партии вновь стали руководящими и организующими центрами массовой вооруженной борьбы рабочих и крестьян за изгнание белогвардейцев и интервентов, за власть советов.

Пролетариат Дальнего Востока и Сибири, оправившись от первых ударов реакции и интервенции, быстро стал восстанавливать свои расстроенные ряды, группироваться вокруг ушедших в подполье, но не прекращавших своей активной работы, партийных организаций, и готовиться к новой упорной борьбе.

Буржуазия и ее прихвостни—эсеры и меньшевики—с ликованием встретили свержение советской власти и первые победы интервентов над большевиками. Однако ликование их было непродолжительным и вскоре превратилось в испуг и смятение. Дальневосточный пролетариат и бедняцко-середняцкое крестьянство не только не поддержали предателей, но ответили мощными демонстрациями протеста, а приморские рабочие—всеобщей политической стачкой. На похоронах первых жертв интервентов рабочие над могилами своих павших товарищей заявили о готовности с оружием в руках выступить на борьбу за советскую власть.

От социал-предателей вскоре же отошла их основная база: мелкобуржуазные группы—союзы служащих и приказчиков; от эсеров отшатнулись и середняцкие слои крестьянства. Это был исторический момент, когда меньшевики и эсеры показали, насколько они далеки от пролетариата и трудящегося крестьянства и как крепко и тесно связаны они с буржуазией и кулачеством.

Дальневосточные и сибирские коммунисты, собрав и крепко сколотив остатки своих сил, стали спешно перестраиваться, приспособляя партийные организации к новой, тяжелой борьбе в условиях интервенции и диктатуры озверевшей белогвардейщины.

На Дальнем Востоке наиболее активными являлись три большевистских партийных центра: Владивосток, Хабаровск и Благовещенск. Эти центры уже через несколько дней после поражения советов собирают оставшихся в живых и на воле коммунистов и создают областные комитеты партии; в помощь им коммунисты, находящиеся в тюрьмах, создают тюремный партийный комитет, который советами и указаниями помогает областным комитетам развернуть партийную работу и дать ей нужное политическое направление. Во Владивостоке вошедшие в комитет товарищи—Воронин, Дельвиг, Фельдман, И. Сибирцев и З. Секретарева—распределяют между собой работу, связываются с городами и рабочими районами области, устанавливают регулярную связь с тюрьмами. Прочно связавшись с рабочими, они ставят перед ними задачу—спешно готовиться к вооруженной борьбе, а новая подпольная газета „Коммунист" бросает в пролетарские массы пламенный лозунг: „Все на борьбу за власть советов".

Перед коммунистами Приморья встала сложная задача: при наличии войск интервентов, которыми были наводнены не только все города области, но и все рабочие районы — Сучанские и другие каменноугольные копи—развернуть организационную и политическую работу для подготовки вооруженного восстания.

Комитет немедленно приступил к подкреплению Сучанских копей крепкими боевыми группами вооруженных рабочих Владивостока, так как Сучан находится в центре области и густо окружен крестьянскими селами и деревнями. Комитет правильно считал, что Сучанские копи явятся руководящим центром, вокруг которого начнет развертываться повстанческое движение крестьянства.

Областной комитет приступил и к подготовке организации военного снабжения: рабочим порта, транспорта и грузчикам было дано задание—выявлять все военноматериальные склады и приступить в первую очередь к добыванию винтовок, пулеметов и патронов. Рабочие деятельно взялись за осуществление этой задачи, и комитет еще до начала восстания имел уже значительные запасы оружия и патронов. Комитет рассчитывал на выступление к весне, но уже в декабре 1918 г. появились первые признаки движения крестьян в Приморье.

Начало крестьянского движения в книге Илюхова и Титова характеризуется так:

„На сельских сходах, волостных с'ездах чаще стали слышаться голоса протеста против ненавистного „Временного правительства", против распоясавшейся офицерщины и интервентов. Нередко эти отдельные голоса при одобрении всей остальной массы стали принимать характер открытого призыва к борьбе с реакцией и интервенцией".

Разгул реакции делал свое дело, вызывая открытое возмущение крестьян. Под руководством рабочих с рудников Сучана, Тетюхе и красногвардейцев, расселившихся после разгрома на Уссурийской железной дороге по селам, крестьянская беднота и батрачество начали вооружаться, группироваться в небольшие дружины и уходить в леса. Затем не выдержали и середняки. Японцы и белогвардейцы в своей политике на селе опирались на кулацкую верхушку, по ее указанию и через нее проводили свою мародерскую политику, крестьянин-середняк очень скоро раскусил, что несут ему штыки белогвардейцев и интервентов.

Под руководством приморского пролетариата крестьянская беднота и середняки об'единили свои усилия и подняли вооруженное восстание под лозунгом: „За советскую власть как единственно способную к защите интересов всех трудящихся и способную освободить страну от интервентов и белогвардейщины".

Пролетарскими и политическими центрами Приморья являлись Сучанские копи, рудник Тетюхе и Никольск-Уссурийск с большим количеством железнодорожных рабочих. Вокруг них и организовывалось крестьянство.

Учитывая рост партизанского движения, областной комитет приступил к организации материального снабжения партизан. На это дело были мобилизованы грузчики, рабочие порта, транспортники и работники кооперации. Между Владивостоком и Приморским побережьем курсировал целый большевистский „флот" из китайских и корейских лодок и шаланд. Пользуясь темными ночами, бурями и т. д., этот „флот" перевозил оружие, патроны, телефонное имущество, обмундирование и все, что удавалось грузчикам и рабочим порта добывать из интервентских и белогвардейских складов.

Первые же столкновения еще слабых партизанских отрядов с белогвардейцами вокруг Сучана нашли отзвук и в других районах Приморской области, где также появились признаки революционного движения крестьян.

Владивостокский областной комитет постановил развернуть начавшееся движение в мощную партизанскую борьбу. В конце февраля 1919 г. комитет двинул в область сильные группы рабочих и партийных работников с задачей дать движению единое организационное руководство и приступить к дальнейшему его развертыванию.

В марте 1919 г. был созван с'езд действующих партизанских отрядов Приморья, на котором был разработан общий

план партизанской борьбы, а для руководства партизанским движением и политической жизью занимаемых партизанами территорий был создан военнореволюционный штаб. Перед этим штабом, в который вошли тт. Слинкин Илья, Титов Михаил, Иванов Николай, Ильюхов Н., Глубоков, Мартынов, Локтев, Кудрявцев и др., была поставлена конкретная задача—об'единить партизанское движение по всей области.

Так, начиная с 1919 г., разрозненное партизанское движение получает пролетарскую основу, единый боевой центр и твердое партийное большевистское политическое руководство. Командующим партизанскими войсками назначается т. Шевченко Гавриил. Партизанское движение получает и свою прессу: при ревштабе создается боевая политическая газета „Революционный партизан". В течение месяца ревштабу удается об'единить вокруг себя все мелкие отряды партизан по области.

Уже в апреле по решению областного комитета созывается с'езд всех действующих отрядов области, на котором избирается областной революционный комитет в составе тт. Харитонова, Белкина, Гракова и др.

После областного с'езда партизан партия поднимает партизанское движение на более высокую ступень. Для реорганизации и руководства партизанским движением направляются испытанный боец и организатор, молодой большевик т. Лозо и т. Губельман. С их приездом партизанские отряды превращаются в единую стройную военную организацию, основанную на единоличном командовании, под руководством ревштаба и вновь назначенного главнокомандующего всем партизанским движднием т. Лозо.

Начинается правильная, ведущаяся по единому плану, вооруженная борьба с интервентами и белогвардейцами.

Почти одновременно с Приморьем и Приамурская партийная организация концентрирует свои силы сначала в Хабаровске, а потом, несколько позже, и в области.

Основная часть партийной организации отступила с Красной гвардией за Зею и к Благовещенску, оставив в Приамурье группу молодых партийных работников. Оставшаяся в Хабаровске группа партийцев организует партийный комитет, в который входят тт. Бойко-Павлов — председатель комитета, Гнетенко, Погудин, Борбат, Штылев, Кочнев Н. и др.

Комитет сразу же восстанавливает связь с рабочими организациями арсенала Амурской речной флотилии, союза грузчиков и с железнодорожниками, ставя перед собой боевую задачу подготовки вооруженной борьбы с интервентами и белогвардейцами.

Уже в начале ноября 1918 г. Хабаровская подпольная организация имела целый ряд боевых ячеек среди рабочих, вокруг которых организовывалась рабочая масса.

Гарнизон Хабаровска состоял в значительной мере из крестьянской и казачьей молодежи, большей частью насильно мобилизованной белыми и легко поддававшейся большевистскому влиянию. На этом основании Хабаровский комитет решил попытаться организовать восстание в гарнизоне.

22 января в Хабаровске было поднято восстание калмыковского гарнизона. В результате восставшими был частично перебит офицерский состав, в том числе и правая рука Калмыкова—полковник Бирюков. Однако японские войска кольцом окружили Хабаровск и не дали возможности восставшим прорваться в область. Восставшие ушли в американский лагерь, где их разоружили и немного позднее распустили по домам.

10 марта 1919 г. в Хабаровском районе созывается первый с'езд трудящихся Приамурья, на котором участвуют рабочие городов и крестьяне области в количестве 76 человек.

Этот с'езд кладет основание партизанскому движению и избирает военнореволюционный штаб, которому передается вся полнота власти. С этого момента центр тяжести партийной работы переносится из Хабаровска в область.

В мае партизанские отряды разбивают гарнизоны интервентов и белых войск на станциях Верено и Хор. Налет партизан вызывает большую карательную экспедицию смешанных белых и интервентских войск. Почти целый месяц партизаны ведут бои с этой экспедицией по всему Приамурью. Нанося противнику большие потери, партизаны и сами теряют не менее 30% всех своих сил.

В Хабаровске вновь организуется подпольный комитет который подкрепляется приехавшими товарищами из Забайкалья и Сибири во главе с т. Аксеновым—мичманом. Этот комитет выпускает целый ряд листовок, призывая население к революционной борьбе, и снабжает партизанское движение Приамурья оружием и снаряжением.

В последних числах июля 1919 г. по инициативе Хабаровского подпольного комитета созывается об'единенная конференция действующих партизанских отрядов и партийной оргинизации. На этой конференции партийным комитетом была восстановлена связь между партизанами Приамурья и Амурской области.

На этой же конференции был поставлен вопрос о переходе к новым методам борьбы. Было решено реорганизовать партизанские отряды в более мелкие, придав им большую гибкость.

На этой же конференции было решено перенести центр действий на линию железной дороги и на линию водного транспорта. С этой целью был организован добавочно ряд речных отрядов.

Переход на новые методы борьбы скоро дал положительные результаты: от ст. Бикин до ст. Бира железная

дорога была буквально терроризирована: был опрокинут ряд поездов с военными грузами и разбиты два крупных парохода на Амуре.

Осенью назрел вопрос о переброске партизанского движения в Сахалинскую область. С этой целью была созвана в первых числах ноября вторая об'единенная партийная и партизанская конференция области.

На этой конференции был обновлен военнореволюционный штаб, в который вошли коммунисты т. Попко, Гнетенко, Бессонов и Бойко-Павлов. Согласно решению конференции часть отрядов штабом была выделена и направлена вниз по Амуру. Так постепенно к осени 1919 г. вся Приамурская и Сахалинская области были охвачены партизанским движением.

Благовещенские коммунисты также не растерялись после разгрома, собрали остатки своих сил и немедленно создали новый областной комитет, который решительно вступил в единоборство с сильным, уже закрепившимся врагом. Вошедшие в комитет товарищи — Кидал, Резников, Мухин, Ольга Иогансон и Т. Нестеров — повели упорную и настойчивую работу по организации вооруженной борьбы против интервенции. Часть благовещенских товарищей во главе с Нестеровым и Мухиным была брошена в область, где через некоторое время была восстановлена сеть коммунистических ячеек. В таких районах, как Зея, Ивановка, Алексеевка, Мартыновка (села и станицы), партийные ячейки стали быстро превращаться в центры партизанского и повстанческого крестьянского движения.

Первая листовка областного комитета большевиков, раз'ясняя сущность интервенции и необходимость борьбы с ней, являлась вместе с тем всеобщим извещением о существовании партийной организации в области и призывом к вооруженной борьбе против интервентов и белогвардейщины.

Работа областного комитета партии положила начало единому партизанскому движению в области. Крестьянская беднота и батрачество, нащупав районные партийные ячейки, стали вооруженными группами стягиваться вокруг них, постепенно сколачиваясь в мелкие партизанские отряды.

Областной комитет провел мобилизацию среди рабочих Благовещенска и железной дороги и направил их для укрепления начавших формироваться партизанских отрядов.

Политика грабежей, порок, насилий и измывательств, которую проводили японцы и белогвардейцы, вывела из терпения и амурское крестьянство. Село за селом, станица за станицей стали откликаться на призыв партии к борьбе против реакции.

Парторганизация области быстро росла и крепла; вместе с ней росло и крепло партизанское движение. Комитет

партии перешел от гектографированных листовок к изданию областной партийной газеты. „Красный клич". Руководимая старым, испытанным подпольщиком т. Резниковым газета являлась набатным колоколом партии, призывающим всех преданных советской власти к вооруженной борьбе против отечественных контрреволюционеров и интервентов. Начало 1919 г. явилось и началом широкого развертывания партизанского движения по всей Амурской области.

Партизанское движение на Амуре приняло такие размеры, что японцы принуждены были борьбу с ним целиком взять на себя, потому что белогвардейские части легко уничтожались партизанами и отказывались углубляться в область. Японцы также далеко не углублялись, сосредоточивались на линии железной дороги и в городах, делая короткие набеги на те или иные пункты, где предполагалось наличие партизан.

Под конец японцы не в силах были удерживаться и на линии железной дороги: революционный штаб, руководивший партизанским движением, организовал планомерное разрушение мостов и крушения поездов на железной дороге, парализуя таким образом передвижения японских войск.

Летом 1919 г. вследствие предательства провокатора Розенблата областной комитет погиб почти полностью. Новый комитет в составе тт. Шергова, Ярилова, Луненко и Иогансон перенес всю свою деятельность в область. С этого момента борьба партизан разгорается с особой силой и сплошным потоком заливает Амурскую область, оставляя небольшие островки, занятые японцами.

По всей области восстанавливались сельские и волостные советы — где открыто, а где и под вывеской волостных управлений. Крестьянство и казачество, за исключением кулаков, окончательно сплотились вокруг революционного штаба и принимали участие в борьбе с интервентами в самых различных формах, прочно укрепляя тыл своих партизанских отрядов. Разгромы сел и станиц японской артиллерией не только не ослабили размаха крестьянских восстаний, а наоборот усилили его, и это почувствовали японцы, когда крестьяне, пользуясь каждым случаем, беспощадно уничтожали японских солдат и офицеров.

В августе 1919 г. областной комитет партии созвал с'езд партизан всей Амурской области, на котором был избран главный революционный штаб. Под его руководством была очищена от японских войск железная дорога, и японцы были оттеснены к Благовещенску и Забайкалью.

В декабре 1919 г. областной комитет созывает в таежной деревне Ромны областной амурский с'езд советов, на котором избирается областной исполнительный комитет под руководством тт. Шилова Степана, Матвеева Н. М., Яковлева, Безродного и др. С этого момента Амурская

область имеет свою центральную военную и гражданскую политическую власть, под руководством которой в области начинается открытая организация советов.

Японцы, отрезанные от Хабаровска, осажденные со всех сторон партизанами, принуждены были покинуть сначала Амурскую, а затем и Забайкальскую области.

В это же время развернулось партизанское движение в Забайкалье. В ноябре 1918 г. часть партийных и советских работников сосредоточилась в районе Александровского завода. Эти товарищи созвали преданных советской власти казаков, организовали отряд, избрали революционный штаб в составе тт. Киргизова, Зарубина, Аникеева и др., заняли деревню Алагачан и начали развертывать работу по сколачиванию партизанских сил.

Тогда же в станице Аркинской под руководством коммунистов Федорова, Аксенова, Шароглазова и др. был создан партизанский отряд со своим ревштабом. Этот штаб тоже начал энергичную работу по организации партизанского движения.

Соединившись, оба эти отряда созвали в конце марта 1919 г. конференцию действующих в Забайкалье партизанских отрядов под руководством об'единенной партийной организации. На конференции было создано крепкое партийное руководство, охватывавшее территорию действующих партизанских отрядов. На этой же конференции возник Забайкальский областной революционный штаб и избран командующий всеми партизанскими отрядами, главком т. Журавлев — большевик, бывший кадровый офицер царской армии. При штабе создается партийная газета „Красноармеец", ставшая рупором партии и организатором партизанской борьбы в Забайкалье.

С созданием единого командования в лице опытного военного руководителя и большевика т. Журавлева разрозненное партизанское движение приняло характер стройной военной организации, настолько авторитетной, что на сторону партизан стали переходить не только казачьи станицы, но и действовавшие на стороне белых армейские и казачьи части. В числе перешедших на нашу сторону был Семеновский 1-й казачий забайкальский полк. Вот, что писал атаман Семенов в приказе по поводу этого события:

> „В ночь с 14 на 15 июля в 1-м казачьем забайкальском полку произошло печальное событие: две сотни под влиянием агитации фельдшера Васильева и других преступных лиц окончательно разложились и, забыв долг перед возрождающейся родиной и честью родного войска, запятнали себя позорным именем изменников, перебили часть своих офицеров и ушли к бандитам-большевикам..."

Военная организация забайкальских партизан оказалась настолько хорошо сколоченной и действующей, что крупный белоинтервентский карательный отряд, посланный в Бла-

годатное для ликвидации партизанского центра, был разбит Журавлевым и потерял все свое боевое снаряжение и обозы.

К концу 1919 г. забайкальские партизаны составляли 8 кавалерийских и 2 пехотных полка. Партийный комитет имел целую сеть станичных партийных ячеек и завербованных добровольцев-партизан по всем селам и станицам Восточного Забайкалья.

Действия партизан, руководимых командирами партизанских корпусов и частей, большевиками тт. Погодаевым, Коротаевым, Якимовым и другими, развернулись так успешно, что к началу 1920 г. почти вся территория Восточного Забайкалья была очищена от белоинтервентов, которые были отброшены партизанами к Чите и прижаты к линии Забайкальской железной дороги. А к концу 1920 г., соединившись с амурцами, забайкальские партизаны мощным ударом вышибли из Забайкалья об'единенные сибирские и забайкальские контрреволюционные армии.

Последние сгруппировались в Приморьи и при помощи интервентов вплоть до 1922 г. вели бороьбу с советами. После событий 4—5 апреля 1920 г., когда японские интервенты разгромили партизанские части, занявшие города Владивосток, Хабаровск, Спасск и др., в этих районах продолжается партизанская война.

В освобождаемых от японцев районах Забайкалья и Амура создается Народно-революционная армия и организуется фронтовая война. Под руководством испытанных большевиков, тт. Постышева, Блюхера, Серышева и др., создается Волочаевский фронт, разгромивший последнюю попытку белых повести наступление на советы.

Район Приморья становится глубоким тылом противника. Под руководством созданного там областного подпольного комитета в составе тт. Пшеницина К., Слинкина И., Флегонтова А., Вольского Мих. и др. здесь снова развертывается партизанская борьба, причинившая противнику большой ущерб своими смелыми набегами на гарнизоны, транспорт и другие уязвимые его места.

В ноябре 1922 г. при наступлении 5-й Краснознаменной армии под командованием т. И. П. Уборевича у подступов к Владивостоку последние партизанские отряды влились в единую семью победоносной рабоче-крестьянской Красной армии. Белые были наголову разбиты. Интервенты очистили оплот белогвардейщины — Приморье. Владивосток стал, по выражению Владимира Ильича Ленина, „нашинским".

Сами участники героической борьбы на Дальнем Востоке рассказавают в этом сборнике о том, как из остатков разгромленных интервентами организаций, из одиночек и групп изо дня в день формировалась, росла и крепла коммунистическая партия на Дальнем Востоке, как она собирала, об'единяла вокруг себя и крепко сколачивала

расстроенные нападением интервентов и белогвардейцев пролетарские ряды. С неустанной энергией в городах, в пролетарских районах, в станицах и селах, во всех углах Дальнего Востока, где имелись группы коммунистов или одиночки-партийцы, группы революционных рабочих или преданных советской власти крестьян, партия вела усиленную подготовку к новой упорной борьбе с наступающим сильным и хорошо вооруженным врагом. Под боевым лозунгом „За власть советов" партия об'единила вокруг себя сначала группы бедноты и батрачества, а в дальнейшем и все революционное крестьянство Дальнего Востока.

В течение короткого срока мелкие, разрозненные группы вооруженных повстанцев и остатки разбитой Красной гвардии партия превратила в мощное партизанское движение, в грозную вооруженную силу, которая, проявляя невиданный, изумительный героизм, вступила в единоборство с более сильным, отлично вооруженным и беспощадным классовым врагом.

Терпя поражения, нанося врагу сокрушающие удары, среди пламени пожаров и разрушений, под железным руководством коммунистической партии партизанские отряды Дальнего Востока и Сибири шаг за шагом теснили во много раз сильнейшего противника, шаг за шагом отбирали и закрепляли за собой территорию края. Дрались упорно, не щадя своей и вражеской жизни, отбирая у врага одну позицию за другой, пока не заставили интервентов и белогвардейцев очистить Советскую Сибирь и Дальний Восток.

В сложнейшей политической обстановке, в условиях жестоких материальных лишений, при наличии превосходящих вооруженных сил интервенции, в атмосфере предательства буржуазных и мелкобуржуазных партий, при неслыханных зверствах обнаглевших белогвардейцев, при малочисленности населения на Дальнем Востоке только коммунистическая партия большевиков и только одна она могла под своим железным руководством организовать, сплотить единой волей, вооружить дальневосточный пролетариат и бедняцко-середняцкое крестьянство и, преодолевая все трудности, привести их к славной победе.

Д. И. БОЙКО-ПАВЛОВ

Хабаровское подполье

Задача настоящего очерка — рассказать о путях и методах, которые намечала и применяла Приамурская большевистская организация в борьбе с интервенцией и отечественной контрреволюцией за власть советов, за социализм.

Для наглядности мы берем работу Хабаровской партийной подпольной организации, которая является основным истоком развития победоносного партизанского движения в Приамурье.

При наступлении интервентов и белогвардейщины в 1918 г. распределение коммунистических, особенно старых большевистских, кадров между крупными центрами Дальневосточного края произошло далеко не равномерно.

Приморье оказалось наиболее обеспеченным партийными кадрами. Во Владивостоке оставалось много старых большевиков, которые в основном руководили революционным движением в течение всего периода реакции и интервенции в Приморье.

Приамурская партийная организация в большей своей части отступила из Хабаровска в Амурскую и Забайкальскую области, оставив в Хабаровске незначительную часть молодых партийных работников, на долю которых выпала громадная и в то же время сложная задача по руководству революционным движением Приамурья.

Уже в начале сентября 1918 г. Приамурье с его центром — городом Хабаровском — было наводнено интервентами разных мастей и белогвардейщиной. Японская жандармерия и белогвардейская контрразведка сразу же вырвали из Хабаровской партийной организации ряд лучших партийных работников — Белотелова, Бало, Криворучко, Титова,*) Кукса, Николаева,*) Коваля, Мельникова, Донгу и др., бросив их в тюрьму, откуда они впоследствии были вывезены вниз по Амуру и расстреляны.

Оставшаяся часть партийной организации, понесшая крупные потери и все время терроризируемая японской жандармерией и калмыковской контрразведкой, все же не растерялась и сразу же взялась за организацию своих сил.

11 сентября 1918 г. в Хабаровске было созвано первое инициативное совещание партийных работников, а 17-го уже был избран партийный подпольный комитет в составе

*) Титов и Николаев не были расстреляны, а были освобождены в конце 1918 г. из хабаровской тюрьмы

тт. Штылева Г. К., Гнатенко, Погудина, Кухарчука Н., Кочнева и Д. И. Бойко. На этом же заседании были распределены обязанности между членами комитета и тут же была написана первая листовка о преступной деятельности палачей интервенции и белогвардейщины, о порках и расстрелах красногвардейцев и советских работников и о диком зрелище публичного расстрела 16 мадьяр на утесе в городском саду.

Это воззвание оказало огромное революционное влияние на гарнизон белых войск. Начались частые расстрелы калмыковскими палачами бойцов своих же частей, не желавших сжигать деревни и стрелять в рабочих и крестьян.

Уже в первых числах октября партийному комитету удалось установить широкую связь со всеми рабочими организациями (союз грузчиков, арсенал базы Амурской речной флотилии и железнодорожное депо), создав в каждой из них актив для практической работы.

Кроме того была проведена громадная работа среди воинских частей, где также были созданы революционные ячейки. В эти ячейки вошли все бывшие красногвардейцы, которым „добродушный атаман" даровал жизнь при условии службы в его войсках.

Самое активное участие в революционной работе в казачьих частях принимали тт. Шереметьев, Подойницин, С. Казаков и А. Баранов.

7 ноября 1918 г.—в годовщину Октября — на заседании подпольного комитета было вынесено решение о подготовке восстания калмыковского гарнизона и организации рабочих дружин для взрыва противника изнутри.

Для полного охвата большевистским влиянием сел и деревень подпольный комитет решил послать ряд товарищей, в том числе и пишущего эти строки, в область. Мы должны были ознакомиться с положением в области и организовать по деревням революционные ячейки.

В результате двух месяцев господства реакции население области оказалось в состоянии полного разорения. Непрерывные карательные экспедиции, поджоги крестьянского имущества, избиение и насилование женщин—все эти варварские действия интервентов и калмыковской банды привели к тому, что в каждой деревне пришлось встречать десятки и сотни семейств, готовых к бегству в глубокую тайгу для спасения своей жизни. Спокоен был только кулак, ехидно радовавшийся мероприятиям, проводимым реакционной властью и интервентами.

Все Приамурье было охвачено диким разгулом и террором контрреволюции. Население, за исключением кулаков и реакционного чиновничества, готово было выступить с оружием в руках против реакционной власти и интервенции. Однако лишенное первое время организованного ру-

ководства, оно ограничивалось тем, что при появлении интервентов и белогвардейцев уходило в тайгу и только изредка выражало протест на сельских сходах.

В деревнях скрывалось много красногвардейцев, но, преследуемые кулаками, они не имели связи между собой и в большинстве случаев жили на нелегальном положении. Только по реке Тунгусской небольшая группа красногвардейцев во главе с рабочим-грузчиком т. Шевчуком работала по заготовке леса.

Состояние области и накаленная революционная атмосфера требовали немедленных и конкретных мероприятий. Мы сейчас же принялись организовывать по деревням инициативные революционные группы из бывших красногвардейцев и революционной части населения. Эти ячейки стали организующим фактором революционной массы, пунктами накопления оружия и подготовки к вооруженному выступлению против интервенции и реакционной власти атамана Калмыкова.

Живая статистика разорения, поджогов сел и деревень, расстрела крестьян, детей, насилования женщин с указанием деревень и фамилий потерпевших произвела еще большее революционное воздействие на трудящихся Приамурья и большую часть гарнизонов белых войск.

Реакция в Хабаровске усиливалась. Для поисков подпольной большевистской организации и типографии были подняты на ноги вся калмыковская свора и японская жандармерия. Были усилены тюремные караулы и переведена в одиночные камеры тюрьмы группа комиссаров. Неоднократные попытки подпольного комитета восстановить связь с коммунистами, находившимися в тюрьме, не увенчались успехом. Заключенным запрещали смотреть в окна, и за малейшее нарушение этого дикого приказа часовые стреляли в камеры. Большевистским семьям и их знакомым свидания с заключенными были запрещены.

Японская жандармерия и охранка Калмыкова протянули свои щупальцы по всем уголкам Хабаровска. Подпольному комитету часто приходилось выискивать места для совещаний вне города.

Ненависть к своему командованию, развивавшаяся все больше и больше в частях калмыковского гарнизона, заставила последнее ориентироваться в своих действиях на отдельные „надежные“ части—на пластунские сотни Дикой дивизии, на комендантские команды; другим частям не доверяли. Уже в половине декабря тюрьмы, гарнизонные гауптвахты, вагоны смерти и все застенки охранялись исключительно перечисленными частями. Ночные караулы всегда усиливались японской жандармерией.

Японское командование, учитывая рост революционного движения в Хабаровске и области, а также беспомощность

калмыковской банды, сразу же начало укреплять город окопами и проволочными заграждениями. К концу декабря весь Хабаровск был опутан ими, как паутиной. На всех путях, ведущих из города, стояли двойные, а иногда и тройные сторожевые заставы (японцы, калмыковцы и американцы), и всякий проходящий и проезжающий подвергался самым строгим обыскам.

Уже во второй половине декабря во всем Приамурье назревали крупнейшие события. Молодая и слабая по численности Хабаровская большевистская организация сильно нуждалась в партийной помощи. Подпольным комитетом было созвано экстренное заседание, на котором было решено связаться с владивостокскими и благовещенскими большевиками для получения от них реальной помощи. Были выделены товарищи для поездки в эти города, но усиленные репрессии белогвардейской контрразведки и интервентов лишили нас возможности осуществить нашу задачу: посланные товарищи не вернулись — как видно были расстреляны палачами.

К 1 января 1919 г. оперативные сводки подготовки к восстанию в достаточной степени показывали те силы и части калмыковского гарнизона, которые вполне надежны с нашей точки зрения и готовы в любой момент к выступлению против контрреволюционной власти Калмыкова.

Соотношение сил было таково, что революционно настроенные части могли подавить сопротивление реакционных частей, хотя крупные бои на улицах Хабаровска были неизбежны.

Партийный комитет, взвесив соотношение сил и предстоящие бои, а самое главное — приняв во внимание японскую бдительность и поддержку ими Калмыкова, в первых числах января вынес предварительное решение, сводящееся к тому, что во время выступления необходимо сохранить абсолютную конспирацию и преследовать основную, ранее намеченную цель восстания—прорваться с полным вооружением в область, откуда и начать уничтожение сил интервенции и остатков калмыковских банд. Рабочие дружины решено было пока не втягивать в бои, а затем начать отправлять их в область как основной костяк, вокруг которого должны формироваться из крестьянской массы партизанские отряды. Эта установка была совершенно правильна.

Выступление революционной части калмыковского гарнизона сначала намечалось на 1 января 1919 г.: рассчитывали, что белое командование, занятое празднованием нового года, будет не особенно бдительно. Однако ввиду того, что японцы во время разгулов атамановской рати бывали особенно настороже, решили назначить восстание на 16 января.

Для сохранения наибольшей конспирации партийный

комитет не сообщил дату выступления революционным ячейкам рабочих организаций и воинских частей и дал только директиву усилить работу по сбору оружия и патронов.

16 января нам не удалось осуществить восстания, так как к этому времени партийным комитетом были получены сведения, что в тайге Полетенской волости скрывается крупный отряд красногвардейцев, отступивших еще с Уссурийского фронта и имеющих хорошее вооружение. Для большей обеспеченности благоприятного исхода восстания партийный комитет решил предпринять поиски этого отряда и, если он окажется, использовать его против японских сторожевых застав во время выступления.

На поиски отряда пришлось выехать мне как человеку, знакомому с областью, тем более, что я в то время непосредственно руководил работой деревенских ячеек. Результат этой поездки был неутешительный: оказалось, что несколько охотников из Полетенской волости, увидев десятка два-три человек рабочей артели на рубке леса по реке Мотаю, вообразили, что это крупный отряд. Правда большая часть этой артели была из красногвардейцев, но совершенно не имела оружия.

После моего возвращения партийный комитет назначил выступление на 22 января 1919 г. Опасность со стороны японцев к этому моменту еще больше усилилась, так как японский гарнизон был пополнен частями, прибывшими из Владивостока.

Невзирая на все это, мы все же наметили окончательный план действия. Этот план предусматривал два главных положения: 1) во время наступления уничтожить офицерский состав. в частности обязательно полковника Бирюкова как главного военного руководителя гарнизона, и в 2 часа ночи двинуться по направлению к калмыковскому штабу, который помещался на углу Корсаковской и Большой улиц, с задачей уничтожить самого Калмыкова и его от'явленных палачей--Скворцова, Светлова, Пискунова и им подобных, после чего двинуться в боевом порядке через Бароновскую гору и Украинскую слободку прямо на радиостанцию и деревню Алексеевку, напрягая все усилия прорвать японские заставы; 2) если японцы обнаружат движение, займут окопы и проволочные заграждения и тем самым лишат восставших возможности уйти в область, то при этих условиях как крайняя мера уйти к американцам.

Первая задача в большей части была выполнена: был убит полковник Бирюков и несколько офицеров; остальной командный состав, главное юнкерская рота, был разоружен и заперт в подполье одной из казарм. Что касается Калмыкова, то его в штабе не оказалось, так же как и его телохранителей. То, что не удалось уничтожить

Калмыкова с его адьютантами, было бы еще небольшой потерей. Но восставшие, окружив калмыковский штаб, простояли на улицах около получаса, и за это время японские раз'езды обнаружили движение и дали тревожные сигналы. Японский гарнизон был приведен в боевую готовность, и японцы заняли окопы по всем направлениям.

Будучи не в силах прорвать японские окопы, восставшие принуждены были уйти к американцам, и только несколько кавалеристов-казаков прорвались через Амур и ушли по направлению к китайской границе.

И до сегодняшнего дня я считаю одной из причин невыполнения полностью намеченного плана задержку восставших возле калмыковского штаба.

Что ожидало нас у американцев?

Мы нисколько не сомневались в реакционном отношении американцев к пролетарской революции, так же как не сомневались в империалистических целях американской буржуазии на Советском Дальнем Востоке. Но мы учитывали ту грызню, которая всегда наблюдалась между американским командованием и японцами и между американцами и калмыковцами. Мы неоднократно были очевидцами, когда на почве разгула происходили драки между калмыковцами и американцами, сопровождавшиеся арестами и т. п. Эти раздоры в той обстановке имели для нас положительное значение. Учитывая все это, мы рассчитывали, что американское командование может не выдать Калмыкову восставших, но совершенно не сомневались в том, что восставшие части будут разоружены американцами. Это и подтвердилось на самом деле: когда Калмыков созвал экстренный казачий круг, перед которым апеллировал в возврате восставших казаков к нему на службу, американцы восставших не выдали, а распустили их по домам.

Надо сказать, что это восстание все же дало положительные результаты: Калмыков лишился значительной части своих сил; кроме того, и это очень важно, восстание оказало огромное революционизирующее действие на трудящихся Дальнего Востока и в частности Приамурья. Авторитет партийной организации после восстания еще больше вырос, и наиболее революционная масса по призыву коммунистической партии с большой решимостью шла в партизанские отряды.

Калмыковская контрразведка и японская жандармерия подняли на ноги все свои силы для поимки виновников восстания, об'явив стотысячную награду золотом тому, кто представит руководителей восстания в распоряжение Калмыкова. Однако их старания не увенчались успехом.

После восстания калмыковского гарнизона партийный комитет решил перенести центр своей работы в область.

В первых числах февраля я с группой товарищей был уже в области, где мы сразу же через деревенские революционные ячейки начали подготовку к областному с'езду трудящихся.

Так как партийный комитет вел работу в области и раньше, то значительная часть населения была уже знакома с нашими мероприятиями и оказывала активную помощь в нашей работе.

Уже 10 марта 1919 г. в деревне Соколовке Хабаровского района был созван первый областной с'езд трудящихся в составе 76 делегатов. Этот с'езд положил начало партизанскому движению в Приамурской области, охватившему и Сахалинскую область.

Перед созывом с'езда обстановка в области была самая благоприятная для того, чтобы немедленно начать военные действия против интервенции и белогвардейщины. Вокруг сельских ячеек большей частью уже была организована бедняцко-середняцкая часть населения; были взяты на учет имеющиеся на руках у населения оружие и военные припасы.

Полетинская революционная ячейка охватила своей работой все рабочие артели, работавшие по реке Хор на заготовке леса подрядчика Сенкевича, а также рабочих лесопильного завода на ст. Хор Уссурийской железной дороги. Большинство всех этих рабочих были китайские пролетарии, работавшие у подрядчиков по 12—15 часов в сутки за самую низкую заработную плату. Кабальные договоры подрядчиков закрепляли китайских пролетариев на работе в глубокой и суровой тайге на целые годы без права выезда оттуда.

Находившиеся под гнетом ростовщического русского капитала китайские рабочие по первому зову Приамурской коммунистической организации встали в ряды революционных партизан.

В период работы с'езда делегация от китайских рабочих, участвовавшая в этом с'езде, заявила, что вся администрация с лесных заготовок изгнана, и все склады продовольствия и снабжения превращены в базы, готовые снабжать партизан по первому распоряжению с'езда.

На с'езде был избран главный военнореволюционный штаб, которому и дано было полномочие руководить всеми вооруженными силами и политической жизнью области. Штаб был избран, насколько мне помнится, в составе следующих товарищей: М. Е. Попко, Н. Кочнев, Кривулин, Н. Истомин, Зубков, Щупило, Слободчук, Рыбаков Сысоев, Капитонов, Семиченко, Соколов-Щукин и Д. И. Бойко-Павлов. Этим же с'ездом я был избран председателем и командующим партизанским отрядом Приамурья.

Штаб как боевой революционный орган поставил перед собой в соответствии с решениями с'езда задачу воо-

руженной борьбы с интервенцией и отечественной контрреволюцией.

Уже к этому времени из Хабаровска прибыл ряд боевых дружин из рабочих, красногвардейцев и пленных красноармейцев, завезенных в вагоне смерти с колчаковского фронта в Хабаровск. Вокруг этих дружин и китайских рабочих начали организовываться и крестьянские массы. Формировались партизанские отряды, которые уже 19 мая были способны вступить в бой в разных местах области с интервентами и белогвардейцами.

И на этом новом боевом этапе Приамурская партийная организация все время руководила победоносным партизанским движением за великие завоевания Октября, за власть советов.

Г. Ф. КОВАЛЬ

Партизаны приамурья

Хроника

6 сентября 1918 г. советские и партийные работники Приамурья и Хабаровска вынуждены были перейти на подпольную работу.

Последствия ее сказались очень скоро. Уже 22 января 1919 г. в частях атамана Калмыкова вспыхнул мятеж.

Революционные настроения рабочих и бедняцкой части крестьянства и упорная большевистская работа дали возможность в обстановке беспощадного террора реакции 10 марта 1919 г. созвать 1-й областной с'езд трудящихся в д. Соколовке Переяславской волости.

С'езд положил начало партизанскому движению. Им был избран военнореволюционный штаб во главе с т. Бойко-Павловым.

В два месяца были сформированы партизанские отряды, и 19 мая ревштаб отдал боевой приказ. Отряды под командованием тт. Изотова, Соколова, Шахрая, Рубля выступили для налета на японский гарнизон на ст. Верино—Хорский мост.

В этом первом боевом крещении партизанские отряды нанесли сокрушительный удар противнику. Уничтожив гарнизон, они захватили военные трофеи: 160 винтовок, обмундирование, патроны.

Для японского командования это было неожиданностью. Оно выслало из главного японского—хабаровского—гарнизона карательные экспедиции.

С 20 по 23 мая, как щупальцы спрута, 3 японских и 2 белогвардейских полка, заняв все проселочные и шоссейные дороги и ведя одновременно наступление от станций и раз'ездов Дормидонтовка, Хор, Верино, Кругликово, Князе-Волхонка, сжимали железным кольцом передовые силы партизан.

В ночь с 23 на 24 мая противник, подойдя к д. Павленково, Марусино, Прудки, Черный Ключ, Новахорье, открыл по находившимся в этих деревнях отрядам орудийный и пулеметный огонь.

Партизанская тактика в целях предохранения населения от разгрома не позволяла принимать бои на улицах деревень. Поэтому партизаны, отстреливаясь, заняли позиции вне деревень, где и приняли бой.

В течение трех суток на всем протяжении фронта партизанские отряды, тогда плохо вооруженные, дрались с противником, не уступая своих позиций, а местами и переходя в контратаки.

Обстреливая со всех направлений наши отряды, японцы держали в лобовом направлении под пулеметными дулами белогвардейцев и расстреливали их при попытках отступления под натиском партизан. В этих боях отечественная контрреволюция оказалась в буквальном смысле слова между двух огней—партизанского и японского.

Под нажимом противника, превосходившего партизан количественно и технически, после трехсуточного непрерывного боя партизанские отряды по приказу ревштаба в ночь с 25 на 26 мая отступили во главе со штабом в глубь тайги, вверх по рекам Матай и Бичевая.

Организация понесла в этих операциях большие потери, но не растерялась, не сложила оружия. Учитывая опыт прошедших боев, ревштаб отдал приказ партизанским отрядам под командой тт. Гормашева, Рубля, Соколова и Зарубина занять левофланговый район для продолжения борьбы с контрреволюцией и интервенцией. Отряды должны были расположиться в направлении линии железной дороги от ст. Бикин на запад до ст. Верино.

Отряды под командой тт. Изотова, Жукова, Мизина и Москаленко были отправлены под Хабаровск. Они заняли районы: по железной дороге от ст. Верино до ст. Красная Речка и по реке Амур от ст. Воронежска до ст. Нижне-Тамбовского. Некоторые командиры, пользуясь недостаточной связью с ревштабом в условиях тайги, начали проявлять вредный сепаратизм, в результате чего приказом ревштаба тт. Рубль и Зарубин от командования были отстранены.

К первым числам августа 1919 г. вся Приамурская область была охвачена партизанским движением.

Перед ревштабом встали новые задачи: во-первых реорганизация партизанских отрядов в более мелкие, но зато и более гибкие в своих действиях; во-вторых организация сельских революционных комитетов для борьбы с кулачеством и оказания материальной помощи партизанским отрядам.

20 августа в с. Алексеевка была созвана первая об'единенная областная партийная и партизанская конференция.

Согласно директивам центра Хабаровская подпольная партийная организация предложила на этой конференции партизанским отрядам немедленно перейти на диверсионную работу по линии железной дороги и водным путям. Задача — парализовать тыл противника, тем самым задерживать продвижение японских эшелонов, направляющихся из Владивостока на фронт в Восточную Сибирь.

Ревштаб, расположив основные силы партизанских отрядов на направлениях железных дорог и водных путей, повел наступление на противника.

Начался второй период партизанского движения—период организованного наступления на врага. Отряд под командой т. Изотова в течение 16 часов вел упорный бой под д. Вятской и, понеся небольшие потери, разбил наголову противника: было перебито до 60 человек белогвардейцев и взят в плен начальник экспедиции офицер Дубовцев.

36-й Колчаковский полк шел в карательную экспедицию по Михайловскому тракту. 22 августа между д. Марусино и Михайловская сводный отряд партизан под командой т. Вредного встретил его засадой. Результатом боя было отступление полка обратно в Хабаровск с потерей около 40 человек. Карательная экспедиция сорвалась.

Этим же партизанским отрядом под д. Синда на Амуре был захвачен идущий на Николаевск по Амуру японский продовольственный транспорт в количестве двух груженых барж и пароходов.

Отряд Холодилова под непосредственным руководством председателя ревштаба т. Бойко-Павлова 10 сентября разбил белогвардейский гарнизон на ст. Корфовской. Железнодорожные мосты и станция были взорваны. Это был сторожевой пост и опора Хабаровска. Здесь были захвачены в плен 30 белогвардейцев и военные трофеи: пулемет, 80 винтовок и патроны к ним.

Отряд под командой т. Жукова в районе ст. Воронежска после однодневного боя с белогвардейским морским отрядом захватил и сжег два парохода — „Люкс“ и „Канавино“.

Отряд под командой т. Давидюка в ночь на 1 ноября занял участок железной дороги между ст. Красная Речка и Корфовская, свалил под откос направлявшийся на Хабаровск японский эшелон и там же принял бой. Партизаны, заняв хорошо укрытые позиции, нанесли своим метким огнем большие потери противнику.

Активные действия партизанских отрядов послужили толчком к еще большему росту преследований и расправ озверевшей реакции над революционерами. Противник бросил все свои силы на розыски подпольной парторганизации как руководящего центра. В ночь с 13 на 14 октября подпольная парторганизация была разгромлена. Это нанесло тяжелый удар партизанскому движению; однако после этого оно не пошло на убыль, а продолжало развиваться.

2 ноября в д. Анастасьевка Хабаровского района была созвана вторая областная об'единенная партийная и партизанская конференция. Актуальнейшими вопросами на этой конференции были: усиление руководства боевыми районами, территориальная сфера действий районов, уси-

ление ревштаба партийным составом и переброска партизанского движения в Сахалинскую область.

По решению конференции ревштабом был сформирован и отправлен вниз по Амуру, по направлению к Сахалинской области, ряд партизанских отрядов во главе с членом ревштаба т. Попко.

Партизанские отряды под командой тт. Гормашева, Погорелова, Г. Коваля, Бусселя были об'единены в 1-й боевой район, а отряды, оперировавшие в низовье Амура Сахалинской области,—в 3-й боевой район. Партизанские отряды по реке Тунгуске составили сводные отряды под командованием т. Щевчука.

С этого момента начинается третий период партизанского движения—период концентрации боевых действий под общим руководством ревштаба Приамурской и Сахалинской областей. Во главе руководства остался т. Бойко-Павлов. Это был период преодоления самостийных настроений отдельных командиров отрядов, период развертывания политико-просветительной работы среди партизанских масс, борьбы с расхлябанностью и поднятия боеспособности отрядов.

Враг это почуял и насторожился. В ответ на мероприятия ревштаба интервенты усилили свои гарнизоны.

Ревштабом был отдан приказ: „Всем партизанским отрядам, действующим в направлении Уссурийской железной дороги, выступить одновременно 25 ноября для взрыва железнодорожного полотна и разрушения специальных железнодорожных сооружений".

Отряд т. Гормашева повел наступление на розенгартовский японский гарнизон, но предупрежденные японцы устроили отряду ловушку. Партизаны потеряли 30% отряда. Здесь и погиб т. Гормашев.

Отряд под командой т. Погорелова свалил между раз'ездом Гедике и Снарским японский бронепоезд, уничтожив всю его прислугу.

Отряд под командой Г. Коваля произвел налет у д. Отрадной. Здесь был уничтожен японский эшелон, попутно взорваны железнодорожные мосты, снесено 8 *км* полотна железной дороги.

Отряд т. Бусселя в то же время разбил белогвардейский гарнизон на ст. Дормидонтовка. Часть белогвардейцев была взята в плен, офицерство же все перебито. Попутно было взорвано полотно железной дороги этого участка.

Отряд т. Соколова и рабочего грузчика Румянцева разбил между д. Жуковской и Георгиевкой японский карательный полк. В этом бою партизаны захватили полковое знамя, кассу, пулеметы — всего 120 подвод трофеев.

Активность партизанских отрядов благодаря правильному руководству ревштаба выросла.

Партизанские отряды сильно беспокоили японские гарнизоны, расположенные по Уссурийской железной дороге. Вся телеграфная линия и значительная часть полотна железной дороги на участках от ст. Бикин до ст. Бира на протяжении 420 *км* была уничтожена партизанами.

Жизнь в Приамурье замирала. Поезда шли под охраной японских и белогвардейских бронепоездов. Специальные железнодорожные эшелоны восстанавливали разрушенный путь.

Интервенты об'явили Приамурье на осадном положении. Японские жандармы метались в беспокойстве. Они оказались бессильными против такого организованного натиска. Тыл у них был разрушен. Они искали выхода в кровавой мести ушедшим в партизанские отряды рабочим и крестьянам. Карательные экспедиции доходили до крайних проявлений зверства и насилий.

12 января 1920 г. в д. Вяземская были сожжены живыми в собственных домах отцы партизан: Власюка, Коваля, Погорелова. В д. Отрадной 19 декабря 1919 г. японцы сожгли 22 крестьянских дома, из которых сыновья ушли к партизанам. 8 стариков-отцов (Пискунов, Костряга, Иванчук и др.) были расстреляны.

В июле карательная калмыковская экспедиция сожгла до основания на Амуре д. Синда, расстреляв 40 человек— отцов ушедших в партизанские отряды сыновей.

20 декабря отряды под командой т. Погорелова и Коваля заняли раз'езд Гедике, на котором разбили и захватили японский транспорт с оружием и продовольствием. Трофеи: 6 бомбометов, 4 пулемета, свыше 400 винтовок, патроны; японское обмундирование, 22 вагона продовольствия, различных грузов и обуви.

Мобилизовав подводы из ближайших деревень, отряд приступил к вывозке захваченного в тайгу к месту стоянки партизан, отряды которых были расположены в 28 *км* от раз'езда Гедике в глухой, непроходимой тайге, куда можно было добраться по известной только надежным крестьянам дороге.

К утру 21 декабря из вяземского японского гарнизона на раз'езд Гедике прибыл крупный карательный отряд японцев.

Рассчитывая на безопасность своего расположения, партизаны 21 беспечно праздновали свою победу. Но их ожидал тяжелый урок.

В числе трофеев были галоши и апельсины. Плохо обутые бойцы одели галоши на чирки (род лаптей). Некоторые из них в пути лакомились апельсинами. Следы новых галош на зимней дороге апелсинные корки довели японцев до партизанских бараков. Это было в ночь на 22 декабря.

Предупредительный выстрел часового прозвучал поздно. Японцы открыли по баракам ураганный огонь из орудий и пулеметов. После двухчасового боя японцы овладели бараками, захватив все отнятое у них 20 декабря оружие и продовольствие. Они сожгли бараки и, боясь налета, начали отходить по направлению к д. Роскошь. Собрав и подтянув свои силы, партизанские отряды стали преследовать японцев, и в 6 часов утра 22 декабря, прижав противника к д. Роскошь, пошли в атаку.

После пятичасового боя японцы не выдержали натиска и начали отступать по полотну железной дороги по направлению к своему главному гарнизону на ст. Вяземская. С нашей стороны были незначительные жертвы.

В этом бою партизаны вновь отбили все ранее захваченные в японском транспорте трофеи и дополнительно еще 1 пулемет и винтовки с убитых.

Отряд под командой Коваля пошел обходом с правого фланга и между раз'ездом Гедике и ст. Котиково. Зайдя в тыл противнику отряд устроил в железнодорожной выемке засаду. В то же время отряд под командой т. Погорелова гнал японцев в лобовом направлении.

Вскоре показались отстреливавшиеся от наседавших партизан японские солдаты в их неуклюжем обмундировании; они везли с собой на железнодорожных вагонетках часть своих раненых.

Подпустив японцев на 15—20 шагов к выемке, отряд Коваля открыл ураганный огонь в упор по противнику. Бой продолжался до 2 часов утра 23 декабря. Жалкие остатки карательного отряда бежали в свой главный гарнизон, оставив на месте боя пулеметы, оружие и свыше 200 человек раненых и убитых.

Одновременно атаман Калмыков выслал по реке Тунгуске для „ликвидации“ партизанского отряда карательную экспедицию во главе с Дикой дивизией. На подступах к д. Архангеловка партизаны под командой т. Шевчука, встретив экспедицию, приняли бой. Под натиском численно превосходившего противника, партизанский отряд вначале отступил в глубь тайги. Ворвавшись в деревню, калмыковцы сожгли большую ее половину, расстреляли 30 крестьян, а сами предались разгульному пьянству, насилуя женщин.

Но партизаны ночью произвели налет на белогвардейский гарнизон и выбили его из д. Архангеловка. Противник потерял до 600 человек. Партизаны всю ночь преследовали белых. В этом бою были захвачены 2 орудия, 3 пулемета, винтовки и патроны.

Вооружившись пулеметами и орудиями, отряд партизан пошел в наступление на Инский японский гарнизон, и после суточного боя, выбив японцев, занял ст. Ин. В этих боях был ранен т. Шевчук.

3-й боевой район партизанских отрядов, руководимый членом ревштаба т. Попко, повел наступление на белогвардейский гарнизон в селе Цимермановке. Захватив в этом бою 2 пулемета, 60 винтовок и 40 человек пленных, отряд выбил белогвардейцев из села.

В первых числах февраля 1920 г. партизанские отряды повели наступление на г. Николаевск на Амуре и заняли с боем находящуюся в 12 *км* от города крепость Чныри.

Под влиянием успехов партизанского движения и Красной армии интервенты начинают вести разговоры о невмешательстве в русские внутренние дела. Партизаны получают недолгую передышку.

Вероломные акты интервенции 4—5 апреля в Хабаровске снова вынуждают партизан перейти на боевое положение.

Из дальнейших операций наиболее значительны следующие.

15 декабря 1921 г. приказом реввоенсовета Волочаевского фронта было предложено старому руководящему составу партизанского движения Приамурья, во главе с командующим т. Бойко-Павловым немедленно приступить к организации в тылу противника партизанских отрядов.

В течение 2 суток приказ ревоенсовета был выполнен.

Партизанские отряды и их руководящий состав, обладая большим опытом партизанской борьбы, немедленно и правильно ориентировались в новой обстановке. Как и в прежние годы, партизаны большое внимание уделяли разрушению полотна железной дороги, изолируя вражеский тыл. Уничтожались целые эшелоны, шедшие на фронт для подкрепления белогвардейцев. Так например первым боевым районом между ст. Вяземская и ст. Дормидонтовка 28 декабря 1921 г. был свален и уничтожен эшелон с вооружением и продовольствием.

В ночь с 11 на 12 января 1922 г. по приказу реввоенсовета фронта партизанские отряды под непосредственным командованием т. Бойко-Павлова произвели налет на Хабаровск, где находились белогвардейцы.

В 3 часа утра 12 января, сняв на радиостанции белогвардейскую заставу, партизаны без выстрела вошли в центральную часть города.

Бой пришлось принимать на улицах города, все время находясь под обстрелом засевших в каменных домах белогвардейцев. Несмотря на трудности борьбы, партизанские отряды повели наступления в четырех главных направлениях: по Алексеевской улице, Поповской, Хабаровской, Пушкинской и на вокзал. В этих боях партизаны потеряли двух лучших боевых товарищей—Худякова и Вейдманова. В бою на Алексеевской улице отрядом под командой Волошина был тяжело ранен полковник генерального штаба, начальник главного молчановского штаба Ловцевич

(впоследствии скончавшийся от ран). Основная масса офицерского состава гарнизона в это время находилась на банкете, устроенном местной буржуазией во главе с городским головой Лихойдовым в честь „победы" белых. 80 офицеров, захваченных с боем на этом банкете, были уничтожены. Кавалерийский партизанский отряд под командой т. Изотова занял вокзал.

В вагонах, готовых к отправке на фронт, поднялась паника. Белогвардейцы выскочили из вагонов и открыли огонь по своим частям.

Партизанские отряды захватили в этих боях 2 трехдюймовых пушки, но, не имея снарядов и издержав патроны, продержались в городе до 9 часов утра, после чего отступили по направлению с. Вятского.

Налет на Хабаровск внес деморализацию в ряды находившихся на Волчаевском фронте белогвардейских частей. Противник вынужден был для обеспечения тыла снять с фронта лучшие части.

Для преследования партизан белые сосредоточились в Князе-Волхонке. Получив от телеграфиста ст Князе-Волхонка т. Лавренкова сведения о расположении белых, ревштаб со сводными отрядами под командованием т. Бойко-Павлова на рассвете 6 февраля повел наступление на князе-волхонский гарнизон. Отряды под командованием тт. Изотова, Суслова, Губрия, Кочнева и Отца, окружив деревню, разбили противника после сорокаминутного боя. Жалкие остатки белогвардейцев, потеряв командира, бежали в Хабаровск.

Ряд последующих событий, в которых тяжелые испытания чередуются с блестящими успехами партизан, наносивших смертельные удары войскам разных „правителей"-авантюристов, уготовили конец господству белогвардейцев и интервентов в Приамурье.

22 октября 1922 г. эта отдаленная окраина вступает в нераздельное органическое слияние с федерацией советских республик—мировым пролетарским отечеством.

Г. ШЕВЧЕНКО

Из боевой партизанской жизни

После боя 26 августа 1918 г. с японцами и чехами на Уссурийском фронте моему отряду пришлось отступить к Хабаровску. Потеряв сотни лучших товарищей и бойцов, я получил от партийного комитета распоряжение взять из Хабаровска пароходы и грузы и доставить их в распоряжение Благовещенского совета.

По дороге к Благовещенску пришлось выдержать целый ряд боев. В заключение мы встретили канонерку Амурской речной флотилии, на которой оказалось белое командование. Канонерка предложила нам возвратиться обратно в Хабаровск. Находясь на расстоянии 2—3 *км* от нее, я военными знаками ответил, что нам с ними не по пути, после чего вынужден был высадиться на китайскую сторону.

Оставив весь транспорт и груз, мы пошли по китайской границе. Здесь нам пришлось расстаться со многими товарищами. Только с несколькими бойцами мы вернулись в родной Градековский район. Здесь мы нашли сожженные крестьянские и казачьи дома, расстрелянные и зверски замученные семьи партизан. Пострадали в том числе моя семья и семья т. Подоба.

Для партизанской борьбы наш район был неблагоприятен, мы с группой товарищей перебрались в Сучанскую долину.

С прибытием в Сучан мы получили воззвание Владивостокской коммунистической организации, в котором партийный комитет призывал рабочих, крестьян и революционное казачество стать под коммунистическое знамя и выступить с оружием в руках на борьбу с интервенцией и белогвардейщиной за советскую власть.

По директиве партии, по плану, составленному т. Лазо, и под его непосредственным командованием было об'явлено общее наступление всех партизанских отрядов, в том числе и моего, на белогвардейцев и интервентов.

На этот раз пришлось и американцам показать свое настоящее лицо—обнаружить свою контрреволюционную роль и интервенционистскую политику.

Своими основными силами они расположились в селе Рамановке, взяв под охрану Сучанскую железную дорогу.

22 июня 1919 г. в 4 часа утра партизанские отряды повели наступление на американцев, окружив их с левого фланга ротой под командой т. Семенова, а с правого—ротой под командой т. Морозова. Я сам повел остальные части в лоб на противника.

Американский часовой, заметив наступление нашего отряда, дал ружейный выстрел, предупреждая тем самым основные силы американского отряда.

После сигнала противник сразу же насторожился, и все окопы, окружавшие палатки, были заняты. С приближением передовых частей нашего отряда противник открыл сильный огонь из пулеметов и винтовок.

Мы отдали своим бойцам приказание остановиться и пустить партизан с флангов вперебежку, по направлению к палаткам противника. Враги, увидев главную опасность с флангов, сосредоточили на них свой огонь.

Одновременно мы начали атаку в лоб. Противник растерялся и побежал в деревню Романовку. Часть его салдат залегла в окопах, но рота под командой т. Семенова бросилась в штыки и начала выбивать оттуда американцев. В течение получасового боя противник был окончательно выбит из окопов. Бросившись бежать. американцы натолкнулись на роту под командованием т. Кудры. Видя свое безвыходное положение, противник без боя начал отступать к своему основному гарнизону.

Получив перевес над противником, партизаны начали наступать на основные силы американского гарнизона, расположенного по линии железной дороги. Там мы ждали большого сопротивления со стороны американцев, но они быстро отступили к японским гарнизонам, оставив нам военные трофеи (винтовки, пулеметы и продовольствие) и потеряв 32 человека убитыми, 26 тяжело и 34 легко раненными. Наши потери в этом бою: 9 убитых и 26 раненых.

Интересно отметить боевой подвиг 70-летнего старика-крестьянина. Американцы, отступая, вынуждены были проходить оврагами. В одном из них засел этот старик, начавший из винтовки стрелять по американцам. Не прошло и десяти минут, как он убил 8 человек. Растерявшиеся американцы не стали давать бой этому „отряду“ и быстро ушли из района, оставив убитых с полным вооружением.

После ухода американцев старик снял оружие с убитых, пришел к нам в отряд и сдал нам винтовки и патроны.

Всем отрядом выдали мы ему боевую премию, признав его лучшим стрелком отряда. Это был шаг, приведший его в ряды партизан.

Американское командование осталось естественно недовольным нашей „встречей“. Полковник Рашпил выступил 23 июля с белогвардейским карательным отрядом. На этог

раз они повидимому хотели уничтожить наш отряд и повели наступление на деревню Гордеевку, где он был расположен. Под вечер я с отрядом оставил Гордеевку и занял прилегающие к ней сопки.

Противник, пройдя Гордеевку, обходным движением направился в сторону Фроловки для захода в тыл Сучанского отряда, возглавлявшегося тогда тт. Ильюховым и Петровым-Тетериным.

Устроив засаду, они подпустили противника в упор и, открыв огонь, уничтожили его передовые части.

Белоинтервенты, получив и на этот раз хорошее предостережение, вынуждены были оставить свои планы и прекратить на время борьбу с партизанами.

М. МИРОНОВ

Красная гвардия на берегу Байкала

— Боярский[1] отвечает, а дальше связи нет.

— Зови фонопором Посольскую[1].

— Полчаса пробуем... Боярский тоже ничего не знает: говорит, что Посольская замолчала неожиданно. У нас ни один дальний провод не действует. Ясно, что где-то за Боярским вся линия оборвалась.

— Гм... что-то таинственное... Товарищ Дорофеев, приготовь сейчас же служебный поезд, включи в состав телеграфную мастерскую и едем.

Разговор велся в довольно спокойных тонах, пока над самым почти зданием вокзала не трахнуло что-то похожее на близкий удар грома.

— Обстрел!

Военный лагерь на колесах оживился, как встревоженный муравейник. Над вагонами и на путях взметались в черных столбах дыма куски и осколки рельс, шпал, людей — рвались снаряды дальнобойных орудий...

Мысовая — станция и депо Забайкальской железной дороги, а также пристань для судов Байкальской переправы. После оставления укрепленных слюдянских позиций летом 1918 г. она являлась средоточием советских войск. Здесь на Байкале части Красной гвардии, оставшиеся в распоряжении Центро-Сибири[2] после захвата чешскими войсками Сибирской железнодорожной магистрали, оказали первое серьезное сопротивление войскам „Временного сибирского правительства“ и чехо-словакам.

Превосходство этого противника как в численном, так и в военнотехническом отношении было несомненно. Кроме того при поддержке „сибирской общественности“ — учредиловцев всех мастей, эсеров и меньшевиков — начали быстро сколачивать свои батальоны контрреволюционное офицерство и прочая белогвардейщина. Ободренный этим успехом, снова вынурнул из своей подворотни — станции Манчжурия — и развил значительную активность атаман Се-

---

[1] Боярский раз'езд, Посольская—станция Забайкальской железной дороги на берегу оз. Байкал.

[2] Правомочный орган советской власти всей Сибири. Резиденция Центро-Сибири была в Иркутске.

менов, незадолго перед тем разбитый наголову отрядом т. Лазо. И все это вместе навалилось на красногвардейские части, сконцентрированные на Забайкальской железной дороге.

Нападение на Мысовую с востока, т. е. с тыла, да еще с артиллерийским обстрелом считалось немыслимым, так как глубокий обход километров на 80—100 по таежному бездорожью для сколько-нибудь крупного отряда был невозможен. Оставалась одна догадка, что это — налет „с моря", т. е. с Байкала. Как ни мало казалось это вероятным, но оказалось правдой.

Все суда Байкальской переправы, состоявшие в ведении Забайкальской железной дороги, были на точном учете. Главный штаб вооруженных сил дороги придавал огромное значение водным транспортным средствам. Байкальскую переправу штаб поручил надежнейшим товарищам. Руководили мастерскими переправы и командовали флотом организаторы первичных красногвардейских ячеек тт. Власов и Журавлев. Слишком хорошо знали они каждую единицу флотилии, знаком им был и каждый укромный уголок великого озера, чтобы можно было думать о появлении неприятельских судов. И все же в это ясное августовское утро с рейда у Мысовой начался артиллерийский обстрел станции. Правда на рассвете вахтенный дозорный известил, что на озере замечены два дымка приближающихся пароходов. Но это никого не обеспокоило, потому что незадолго до того по приказу главного штаба по реке Селенге отправились два парохода в распоряжение т. Каландарашвилли, оперировавшего со своим отрядом в районе Троицко-Савск — Кяхта, и можно было ожидать возвращения этих судов.

Но выяснять долго не пришлось. Не успел ледокол подготовить машину на случай выхода из гавани, как с приближающихся судов была открыта орудийная стрельба. Дистанция определялась километров в 12—14.

Ясно стало, чго противник использовал какие-то пароходы с Ангары, захваченные ниже Балаганска, и при удачливо тихой погоде подходит к Мысовой.

Станция со стороны озера совершенно открыта для обстрела.

И тут еще загадочный обрыв связи с Верхнеудинском, где находился главный штаб...

Огневой бой с вражьими пароходами при посредстве винтовок и пулеметов был бесполезен, ибо противник стал на открытой воде в очень почтительном расстоянии от берега. Между тем снаряды 42-линейных орудий Виккерса (как выяснилось потом) наносили тяжелый урон станции и поездам, скученным в ее пределах. Маневровая работа

станции была почти парализована. Положение требовало экстренных мероприятий, обстановка же не сулила никаких перспектив к быстрой ликвидации опасности, грозившей теперь и с тыла.

Первым делом требовалось преодолеть недосягаемость врага.

Ледокол „Байкал" стоял в Мысовской гавани. Он лишь в последние дни перед тем был вооружен одной полевой мортирой, весьма потрепанной еще на германском фронте. Не выходя из гавани, ледокол не мог использовать мортиру. Предельная дальность полета снарядов этого орудия была меньше расстояния до противника, да и стрельба по цели небольших размеров с такой дистанции обещала лишь случайные попадания.

Необходимо было во что бы то ни стало приблизиться к противнику, но и здесь боевые шансы были далеко не на нашей стороне. Не говоря уже о неравенстве артиллерийского вооружения, „Байкал" на воде являлся великолепной мишенью. Это было огромное для пресных вод судно. Высота его над ватерлинией была около 15 *м*. Он принимал на вторую палубу несколько десятков груженых вагонов по трем внутренним рельсовым путям. Одним словом выход его в „море" обещал мало хорошего.

Командующий Байкальской флотилией Л. М. Власов был на борту ледокола. После первых же выстрелов он все же решил войти в соприкосновение с противником и двинулся немедленно ему навстречу.

Мысовая — это замытая гавань, и нужно было выйти километра на 3 только для того, чтобы судно могло получить свободу действия. Но отважный красный адмирал, хотя и привыкший больше к молотку и зубилу, чем к обращению с бусолью и секстантом, держал расчет на мощность машин своего корабля, решившись в крайнем случае напором вплотную потопить вражьи суда.

„Байкал" по выходе из гавани открыл огонь по неприятелю, но, как и следовало ожидать, наши снаряды не доставали до цели.

Белогвардейские пароходы, поняв бесстрашную решимость нашего выступления, учли и возможную для них опасность: огонь их сразу же был сосредоточен на ледоколе, а сами они начали пятиться, чтобы удержать дистанцию.

Пока ледокол продвинулся в открытую воду, в него было выпущено до сотни снарядов. Однако первые попадания особого вреда „Байкалу" не нанесли.

Нужно отметить, что ледокол, видевший на своем борту немало разных превосходительных персон, обладал для их приема комфортабельным устройством в ущерб пожарной безопасности. Да разве мнилось строителям „Байкала", что ему когда-нибудь суждены „морские сражения"!

Уже пять ран было нанесено „Байкалу". Но ни вой пролетающих мимо снарядов, ни опасность воспламенения, ни постоянная возможность взрыва незащищенных котлов — ничто не могло заставить корабль изменить взятый им курс.

Кучка храбрецов на „Байкале" понимала, что хотя бы ценой своей гибели они должны спасти положение.

Шестая рана!.. Как подбитая на воде птица, закружился „Байкал" судорожными бессмысленными зигзагами. Ледокол потерял управление. Шестой снаряд был роковым: он угодил в кормовую часть и разрушил рулевой сектор.

Ненужными и бесполезными стали теперь мужество, решимость и хладнокровие красных бойцов...

На ледоколе было более 1 000 *т* угля и много горючего материала. Положение ухудшилось настолько, что нестроевая команда судна была близка к панике. Капитан „Байкала" Алексеев заявил, что в этих условиях работать невозможно. Стало ясно, что намеченной цели теперь не достигнуть, на бесполезную же потерю такой единицы флота, как „Байкал", решиться было нельзя.

Противник, увидя, что ледокол остановился и на нем начались какие-то исправления, прекратил стрельбу гранатами и стал осыпать судно шрапнелью. Благодаря этому дальнейшего разрушения не последовало. Оставалось подумать о вводе ледокола в гавань. Это удалось проделать работой отдельных винтов на машинах без руля.

Но неприятель снова перешел на гранаты, и два снаряда, попавшие в верхнюю часть судна, вызвали пожар. „Байкал" почти сразу превратился в горящий факел. Пламя разбушевалось так сильно и стремительно, что попытки тушить пожар насосами парохода „Кругобайкалец" были безуспешны: на расстоянии 50 *м* у брандспойщиков загорались одежда и рукавицы. Едва удалось снять наиболее ценные приборы и аппараты.

Самое крупное судно Байкальской флотилии, успешно помогавшее сухопутным частям не в одном бою, сторож береговой линии фронта, окончило свою службу.

С Мысовой нужно было немедленно выводить составы поездов хотя бы небоевого значения. Но дальше раз'езда Боярского телеграф не работал. Что-то нужно было предпринять. Помощник комиссара дороги т. Доляцинский отправился искать место обрыва. Но у станции Посольская поезд его застопорили, и он попал в лапы белых.

Восходящая звезда белогвардейской военщины — полковник Ушаков — сам руководил выполнением широко задуманного и детально разработанного по всем правилам военного искусства плана — охвата в мешок красных войск и их уничтожения.

Вот как рассказывал об этом задержании ад'ютант Ушакова Рифесталь:

„С задержанного поезда сняли комиссара. Он никак сразу не мог понять, с кем имеет дело, энергично ругался и требовал немедленного допуска его на станцию (Посольскую) для исправления связи. Его спросили:

— А вы кто будете?

— Я комиссар дороги, и никто не вправе меня задерживать на линии!

— А, товарищ Миронов! Вас нам очень нужно..."

Белогвардейцы выстроили в ряд всех снятых с поезда сотрудников прифронтового управления транспортом.

Старый движенец — т. Бакман, стоявший недалеко с правого фланга в этой шеренге смерти, так рассказывает о дальнейшем:

„Тут же под открытым небом был организован военно-полевой суд. Первым подвели т. Доляцинского. После недолгого чтения приговора его отвели на несколько десятков шагов и тут же на лужайке на наших глазах расстреляли. За ним последовал т. Дорофеев.

Подробности „судоговорения" до нас долетали отрывками, да и мы в последние свои минуты заняты были каждый своими собственными мыслями. Однако на седьмом по счету с правого фланга казнь прекратилась. Прибыл откуда-то новый отряд. То были чехи. У офицеров начались какие-то таинственные переговоры. Нас заперли в вагоны..."

Тяжесть положенная на станции Мысовая усугублялась. В довершение сумятицы взорвался от снаряда керосиновый бак на материальном складе. Часть станционных служащих погибла. Другие разбежались. Настроение, близкое к панике, овладевало красногвардейцами ввиду невозможности дать отпор врагу, продолжавшему поражать и разрушать станцию стрельбой с пароходов.

Когда выяснилось, что Посольская захвачена чехами, часть вооруженных рабочих отошла в лесистые сопки. Но храбрейшие поставили перед собой задачу — пробиться к Верхнеудинску или умереть.

Недаром полачам на Посольской пришлось наскоро прекратить процедуру казни железнодорожников. С Мысовой подходили уже не безоружные руководители транспорта, а боевые отряды Красной гвардии.

Много лучших сынов своих потерял революционный пролетариат на угрюмых и мглистых берегах Забайкалья. Немалы были потери и у врага. Погиб в тот же день и сам инициатор и руководитель десанта в нашем тылу и всей этой операции — полковник Ушаков. Для самоутешения белогвардейцы в своих победных реляциях распубликовали о захвате и расстреле на Посольской не т. Доля-

ницкого, а начальника вооруженных сил Забайкальской железной дороги и комиссара Миронова.

Самое же главное то, что широко и смело задуманный план белых, разработанный детально по всем правилам военного искусства, провалился. Красные войска прорвались. Правда с какими потерями! Один из железнодорожных отрядов численностью в 200 штыков вышел из боя в составе 49 товарищей. Образовались прослойки фронта, и на несколько дней все перемешалось на этом участке дороги...

План глубокого выхода в тыл советской армии, план захвата Селенгинского моста и Верхнеудинска, а тем самым полного уничтожения Красной гвардии в узком дефиле Байкальского берега потерпел крах.

Большая часть Красной гвардии только месяц спустя постановлением конференции на ст. Урульга Забайкальской железной дороги (28 августа 1918 г.) прекратила организованное сопротивление контрреволюции. Но ликвидировалась она лишь формально и, расосавшись среди широких масс населения, стала основным ядром вспыхнувшего вскоре освободительного партизанского движения на Дальнем Востоке и в Сибири.

П. БОЛЬШАКОВ

Прорыв

Под ударами соединенных сил интервентов и их ставленников—белогвардейских атаманов Семенова и Калмыкова—отступали с боями разрозненные отряды Красной гвардии Дальнего Востока.

Поражение в неровной борьбе не сломило духа, а лишь породило страстное желание собрать новые силы и нанести сегодняшним победителям такой удар, чтобы навсегда выбить их с Советского Дальнего Востока.

А пока — отступление в тайгу, на сопки, в горы, но не прекращать борьбы, а лишь перевести ее на другие рельсы.

„Всем ответственным партработникам двинуться в Благовещенск и совместно с дальневосточными товарищами обсудить вопросы предстоящей борьбы... Командировать группы партийных товарищей в районы Прибайкалья и Забайкалья с целью организации ячеек и очагов революционного движения". Так решали собрания партийных руководителей. Начинается новая полоса борьбы на Дальнем Востоке—развертывается партизанское движение.

В сентябре 1918 г. войска интервентов оседают в Забайкалье. У власти поставлен атаман Семенов. Вводятся новые порядки дикого произвола и насилия. Самоуверенный атаман мечтает о „совместных действиях" с крестьянством, а пока что плетка гуляет по спинам тех, кто должен „действовать совместно" с атаманом.

Бедняцко-середняцкая часть крестьянства, ненавидевшая колчаковщину, но стоявшая в стороне во время борьбы Красной гвардии с белыми и интервентами, после введения этих архижандармских методов очень быстро превратилась в мощный резерв партизанского движения.

Семеновцы подходили. Население грузило на телеги свои пожитки и угоняло скот в лес, в тайгу...

На улицах деревушки Копуни толпились люди. Возбужденно обсуждался семеновский приказ о мобилизации.

На летучем митинге у затона было решено драться, и мигом над школой взвилось алое знамя революционного штаба.

В ревштабе кипит работа: идет запись добровольцев, учитываются оружие и лошади.

Расталкивая очередь, к столу подходит крестьянин—седой дед.

— Меня запишите с конем.

Утром в ограде школы выстраиваются люди—340 человек. На фронт, товарищи!

Копунский партизанский отряд в боевом порядке вытянулся по пыльной дороге...

Десятки лошадей мчатся во все стороны. Кто-то кричит:

— Они в деревне!

Минутное замешательство—и железное кольцо партизан охватило со всех сторон крохотную деревушку.

— Кавалерия, в бой!

Первым—казак Пунжуков... Мучительно тянутся томительных 5 минут... Рапорт:

„Головной разведывательный отряд интервентов в количестве 65 человек при 2 белогвардейцах и 1 белом офицере уничтожены. Захвачено все имущество. Не ушло ни одного человека".

Заседает штаб. Говорит главком:

— Наши многократно подтвержденные разведывательные данные показывают: мы в кольце. Из Благовещенска двигается 32-й полк; из Свободного и Гондатти по железной дороге—японцы и белогвардейцы, по Серебрянскому и Ново-ивановскому трактам—японцы, по Шимановскому тракту и из Сычевки—казаки. Все пути отступления отрезаны. Выход один; с огромными жертвами пробиться через Амурскую железную дорогу и отвести армию к северу от Желто-Яровой. Если промедлим, все погибнем. Численностью противник во много раз превосходит наши силы. Двигаемся!..

Через 30 минут 2 800 телег—обоз с партизанской пехотой и провиантом—по мало известной таежной тропе двинулись по направлению деревни Чудиновой к линий железной дороги

Шли всю ночь... Рассвет. Морозная мгла. В 5 шагах не различишь друг друга. В 7 часов утра—редкие выстрелы... Минута, две—море огня: мы налетели на засаду в тайге—на батальон японской пехоты в количестве 380 человек.

Позиция такова: направо—пологий склон к речке Охте, налево—лесистые сопки, прямо—равнина склоном к речке, густопоросшая огромными соснами, лиственницами и низким густым кустарником. Налево за сопкой—обоз и конница в прикрытии. Около обоза на снегу—убитые и раненые. Но паники никакой, все озабоченно хлопочут, каждый на своем боевом посту.

По цепи передается команда:

„V и VII батальону немедленно—в тыл противника".

Отчаянный огонь противника мог бы нанести нам колоссальные потери, но нас спасает кустарник.

К обозу принесли адьютанта главкома т. Покатилова. Алые струйки застыли на его лице.

Донесение: „Нами взят один тяжелый пулемет". Через 4—5 минут „замолчал" и второй пулемет японцев. Японцы дрались, как звери. Японский пулемет был буквально завален трупами.

С тыла послышались наши залпы, с фронта—„ура"...

У противника паника, беспорядочное отступление.

С шашками наголо, со свистом наша кавалерия врезалась в цепи противника.

Враги дрались до последнего, и все погибли. Убежал лишь один, но и его в деревне Чудиново убили старики-крестьяне. Он оказался командиром этого отряда, генерал-майором Такахаси.

Донесение: „Несколько эшелонов противника при двух броневиках и с батареей высадились на раз'езде Юхта и занимают уже позиции".

Ободренные двумя удачными боями, партизаны, усталые, голодные, но с огромным энтузиазмом, ринулись в бой.

Через несколько минут загрохотали орудия, заговорили десятки пулеметов и тысячи ружей.

Клонило уже к вечеру, когда сообщили, что „наши взяли батарею..." Велико было удивление противника, когда его батарея стала поливать шрапнелью свои же цепи.

Задача была поставлена просто: или мы должны спасти всех партизан и пробиться через Амурскую железную дорогу или погибнуть все в лихорадочно сжимающемся кольце японско-белогвардейских отрядов.

К ночи наш многоверстный обоз с шумом и грохотом по камням и мерзлым кочкам пробирался через линию железной дороги. Сотни трупов противника были разбросаны по тайге на месте боя...

Наступила ночь. Из-за каждой сопки и куста раздавались выстрелы, над головами рвались снаряды, молнией прорезая густую слизь ночи, но обоз гремел и мчался к намеченной цели...

Мы прорвались!

Вот итоги: умерло раненых от мороза 51, всего погибло в боях 132 партизана, раненых около 200 человек. Потери врагов: убито в боях 1 228 человек, раненых около 1 300.

Мы захватили: 2 3-дюймовых орудия, 360 снарядов, 3 пулемета, 71 000 патронов, более 1 000 винтовок, много медикаментов, обмундирования, снаряжения, денег, карт и японских бумаг.

Орудия, снаряды, пулеметы и пр. стояли через несколько дней на улице у реки, около штаба. Здесь собралось много партизан и просто крестьян, глазевших на наши трофеи. Привелось посмотреть на них и пленному японцу, который переводил нам японские бумаги.

ИВ. СТРОД

В Восточносибирской тайге[1]

I. Гибель тов. П. П. Яковлева

В конце августа в 1918 г. в г. Свободном собрались все красные, отступившие из-под Читы. Тов. Лозо пытался было организовать здесь новый фронт, но пришло тяжелое известие, что наш восточный фронт разбит и что японцы и белогвардейцы находятся в 10 *км* от Благовещенска (150 *км* от Свободного).

Как ни тяжело было сознаться, но при создавшейся обстановке мы дальше драться не могли: наши силы были слишком ничтожны по сравнению с врагом.

5 сентября было созвано совещение оставшихся членов советского правительства и командиров. Часть товарищей во главе с Шевцовым настаивала на том, чтобы уйти на Охотское побережье и там держать знамя советской власти до прихода Красной армии в Сибирь. Председательствовавший т. Яковлев решительно выступил против тагого плана. В своей речи он доказывал, что мы не должны далеко уходить от борьбы, что мы должны быть ближе к событиям и только на время уйти в тайгу.

После небольшого обмена мнениями предложение т. Яковлева было принято.

С тяжелым сердцем мы покинули город ночью 6 сентября и верхами двинулись в тайгу. Всего нас было 25 человек (в том числе одна женщина), вооруженных винтовками с запасом по 200 патронов на каждого при одном пулемете Кольта.

Только успели мы отойти от города, как начались стычки с белогвардейцами. В результате этих стычек нас осталось всего 20 человек и 1 раненый.

Углубившись в тайгу километров на 100, мы остановились и выслали разведку. Спустя шесть дней, наши разведчики принесли печальные вести: товарищи, захваченные в тайге, расстреляны или брошены в тюрьмы. На западе идут сильные бои с японцами и чехо-словаками. Два дня простояли мы на месте, не зная, что предпринять.

---

[1] Этот очерк под названием „Из эпох гражданской войны в Восточной Сибири“ впервые был напечатан в журнале “Пролетарская революция“ № 5, 1926 г, стр. 74—93. В настоящем сборнике он помещается лишь с самыми незначительными поправками.

К вечеру второго дня т. Яковлев, командир отряда, собрал нас всех и внес новое предложение, совершенно неожиданное: покинуть Амурскую тайгу и попытаться пробраться на далекий Север, в Якутскую область.

„Послать значительные силы из Иркутска белогвардейцы не могли, так как они заняты решающей борьбой против Москвы, и каждый солдат у них на учете. Пойдемте, товарищи, в Якутскую область, соединимся там с нашими товарищами—якутянами, продержимся там до весны, а летом 1919 г. Сибирь, я верю, снова станет советской".

Мы единодушно приняли это предложение и рано утром на следующий день снова двинулись в неизвестный путь с непоколебимой решимостью и твердой революционной верой в успех.

Через несколько дней пути мы без особых приключений достигли темптонских приисков, где были встречены радостно местными рабочими и злобно — правлением приисков.

К вечеру того же дня из Зеи (80—90 *км* от приисков) приехали несколько человек рабочих и сообщили, что Зея занята японцами в числе около 600 человек и что не менее 300 человек на-днях выступят на прииска для установления власти. На собрании рабочих мы решили, что с нашими силами удержать прииска мы не сможем и что нам необходимо его оставить. Трое из наших товарищей, чувствуя себя слабыми, остались и не пошли дальше. Это были т. Канторович с женой и т. Лось.

Молча приняла нас в свои об'ятия непроницаемая, угрюмая тайга. Днем мы двигались, вечером останавливались на ночлег, пускали лошадей на жалкий подножный корм и, утолив голод, устраивались вокруг костра. Вспоминали недавнюю борьбу, искали причины нашего поражения старались заглянуть в неизвестное будущее. Незаметно спускалась глубокая ночь, и мы засыпали под таинственный шопот тайги, а с рассветом снова пускались в путь.

Выпал первый снег. От плохого корма и тяжелой дороги лошади ослабели. Двух из них пришлось пристрелить. Скоро кончился небольшой запас мяса. Хлеба не было, вышел и рис. Пристрелили еще лошадь и стали есть конину с солью. Через несколько дней мы остались пешими. Последнюю лошадь застрелили на мясо. Каждый забросил ранец за спину и с парой белья и куском конины двинулся пешком. Кто знает тайгу зимой, поймет, что это значит!

Снегу выпало уже поларшина. Мы двигались с громадным трудом. Наконец подошло такое время, что мы вторые сутки ничего не ели и с ужасом видели приближающуюся голодную смерть. И вдруг мы увидели впереди юрты. Оказывается мы забрели на кочующий род тунгузского племени орочен. Пробыли у них два дня. Выяснили, что до Олекминска—700 верст, до Якутска — еще дальше

Два орочена взялись довести нас до Олекминска на оленях. Взяли они с собой одну старую свободную палатку—все-таки теплее.

Был уже конец октября, и по нашим расчетам мы проехали половину пути до Олекминска. На ночлег из-за корма оленей останавливались рано. К вечеру с последними лучами солнца из тайги неожиданно выезжает к нам верхом на олене крепкий седой старик. Оказалось—говорит по-русски. Узнали от него, что в августе разбили красных и что после свержения советской власти оба белогвардейских отряда ушли в Иркутск. Из расспросов деда Алексея выяснили, что в Олекминске о нас знают, и навстречу выступил отряд в 40—50 человек; среди же населения пущен слух, что мы несем несколько пудов золота.

Известие это нас ошеломило. Собрались угрюмо, обдумывая возможности выхода из положения. После ряда предложений и планов решили сдаться.

Разделились на три группы. В первой — председатель горсовета Свободного т. Попов, анархист-газетчик, заведующий Черемховскими копями, командир полка, командир кавалерийской бригады с Уссурийского фронта—он же и начальник штаба группы того же фронта. Во вторую группу вошли: я и тт. Малкин, Черных, Гринберг Германсон и Шешлов—всего шесть человек. И в третьей группе: тт. Н. Н. Яковлев, Литкин (член Центро-Сибири), Шевцов (комендант Иркутска), Пестов (комиссар по снабжению армии огнеприпасами и снаряжением), Кулинич (прод. комиссар, командированный из Ленинграда) и Никитин (зав. автомобильным гаражем в Верхнеудинске). Между группами решили держать расстояние 10—15 верст. Решено было также, что как только головные товарищи выедут в заселенную местность, сейчас же один из них вместе с дедом Алексеем, который поехал с нами, пойдет навстречу белому отряду и передаст, что мы сдаемся.

Когда товарищи из первой группы приехали в Кендюкель, было уже темно. Решили заночевать, а утром втроем выехать навстречу отряду. Но не успели они по-настоящему отогреться (мороз был больше 30°), как на дворе раздались выстрел и крики.

Выходите! Сдавайтесь!.. Вам ничего не будет!

Оставив винтовки в юрте, с поднятыми вверх руками, все товарищи вышли во двор.

Несколько белых кинулись в юрту за оружием. Белыми командовал подпоручик Иван Захаренко, был в отряде еще один офицер—казачий под'есаул Н. Н. Габышев. Подпоручик Захаренко, едва ввели пленных в юрту, набросился на них с криками:

— А, сволочи! Все комиссары, большевики! Всех расстреляю!..

Ища подтверждения своим словам, Захаренко обратился к деду, сопровождавшему группу:

— Комиссар это или нет?

Дед ответил, что он не знает об этих людях ничего кроме того, что они красные и шли сдаваться в плен и просили проводить их до Олекминска.

Подпоручик заорал на него и дал приказ всех расстрелять.

По одному выводили товарищей во двор и там расстреливали. Рассреляли и старого деда Алексея.

Покончив свое кровавое дело, отряд двинулся дальше и окружил в полночь нашу юрту. Опять выстрелы и крики

— Сдавайтесь!

В юрте нас тщательно обыскали и конечно ничего не нашли. Захаренко уселся за стол. С краю его сел Габышев.

— Что заставило тебя пойти в красные банды?—стал он спрашивать каждого из нас.

Часть товарищей ответила, что они—большевики, ссыльные с 1905 г., другие ответили, что они считают советскую власть самой справедливой, защищающей рабочих и крестьян, и потому борются за нее.

— Мы расстреляем их на обратном пути,—решил Захаренко и приказал отряду готовиться к выступлению дальше.

Нас оставил под охраной унтерофицера Иннокентия Голомарева и шести человек караульных. Из приказания, отданного Захаренко, мы поняли, что при расстреле наших товарищей Голомарев „плохо себя вел", даже упал в обморок.

Вскоре белые выступили. К палатке, где находилась наша третья группа, под'ехали на рассвете. Спешились, тихо подошли вплотную с трех сторон и открыли по палатке огонь из 30 с лишним винтовок, крича:

— Сдавайтесь!

Из палатки выбежал Шевцов с поднятой кверху рукой (вторая была прострелена). Не успел он сделать и двух шагов, как его сразила пуля белых.

Следом выбежал т. Литкин. Раздался залп, и он упал, но успел еще громко крикнуть. К упавшему подбежал олекминский казак Алексей Бубякин и приколол его штыком. Из палатки больше никто не выходил. Когда белые перестали стрелять и зашли в палатку, там лежали только убитые и раненые. Ранен в голову был т. Яковлев. Он попросил сделать перевязку, но и раненых так же безжалостно пристрелили, как и их товарищей.

Раздев всех убитых донага, белые выступили в обратный путь.

Смерть приближалась к нам. Мы давно попрощались друг с другом и желали только одного—чтобы всех нас расстреляли вместе. Но вышло иначе.

Еще когда отряд Захаренко выходил из Олекминска никто не знал, будет или нет с красными бой. На всякий случай захватил с собой Захаренко олекминского фельдшера Емельяна Петровича Селютина. Рано утром Захаренко посылал за ним солдата, но фельдшер был у больного якута и отряд выступил без него. Узнав по возвращении домой, что отряд Захаренко уехал навстречу красным, вышедшим по реке Чаре, фельдшер решил немедленно следовать за ним. Узнав состав отряда, он заметил:

— Ну эти люди способны расстрелять из-за одной рубашки! — и, несмотря на уговоры жены, с предельной скоростью, на какую была способна его лошадь, он поспешил вслед за отрядом.

Под'ехал к Кендюкелю.

Увидя шесть окоченелых трупов, Селютин не выдержал — заплакал. Узнав от якута, что отряд ушел к другой группе, бросился вперед. Ничего не подозревая сидели мы в своей юрте. Слышим скрип полозьев. Начинаем прощаться перед смертью. Вдруг в юрту вваливается запорошенный снегом небольшой человек, которого мы в отряде не видели. Поздоровался участливо с нами, а начальника караула называет по имени—Иннокентием Иннокентиевичем. Сначала мы думали, что эта приветливость с нами лишь издевательство перед смертью, но потом услышали разговор маленького человека с Голомаревым:

— За что вы расстреляли тех шестерых? За что приговорили к смерти этих товарищей? Ведь это дикое убийство низкая, подлая жестокость. Иннокентий Инокентиевич, я тебя знаю как честного человека, неужели ты поступишь чтобы эти звери растерзали и этих людей! Отвези их в Олекминск, не дожидаясь, пока вернутся убийцы.

Долго фельдшер уговаривал Голомарева. Сначала он и слушать не хотел, но потом задумался. С тоской ожидали мы исхода этой внутренней борьбы. Вдруг Голомарев вскочил, тряхнул головой и велел собираться в путь. У якута, хозяина юрты, пришлось силой взять лошадей, и мы уехали.

Вскоре после нашего от'езда прибыл и отряд. Захаренко, узнав обо всем происшедшем, сразу кинулся в погоню. В бешенстве грозил расстрелять нас, Селютина и Голомарева, даже если мы успеем доехать до Олекминска. Но там снова нам повезло: мы сразу попали на допрос к эсеру Галлерту, командиру отряда, случайно остановившегося в городе.

Из допроса Галлерту достаточно ясно обрисовалась вся картина Чаринской расправы. Галлерт послал донесение в Омск о случившемся, но вместо привлечения к ответственности Захаренко был произведен в поручики.

Мы отделались тюрьмой, в которой просидели с 10 ноября 1918 г. по 17 декабря 1919 г.

2. Переворот в Якутске и Олекминске

15 декабря 1919 г. якутский гарнизон арестовал всех своих офицеров во главе с командующим войсками области капитаном Каменским, управляющим областью эсером Соловьевым и другими колчаковскими властями и провозгласил власть советов.

Прежние солдаты Колчака бросили под ноги свои погоны и создали Красную армию, избрав своим начальником т. Галлерта (т. Галлерт при Колчаке дважды сидел в тюрьме, особым тайным совещением был приговорен к расстрелу и только благодаря перевороту избег его). Был организован ревштаб во главе с т. Годуновым. Олекминские колчаковские власти ночью 15 декабря обо всем происшедшем получили телеграмму за подписью Гладунова и Галлерта. В телеграмме предлагалось также освободить всех политических заключенных, которым поручалась организация временной революционной власти в Олекминске.

Белые были ошеломлены и сначала растерялись. Но затем, оправившись, они созвали экстренное совещание в составе: управляющего уездом эсера Росланова, председателя земской управы Е. И. Габышева, начальника уездной милиции И. С. Захаренко и его помошника И. И. Шипкова. На этом совещании было решено власть не сдавать. В Якутск телеграфировали, что в олекминской тюрьме политических заключенных нет (мы числились официально как беспартийные), а в Иркутск, Бодайбо и Витим полетели телеграммы с просьбой о помощи.

Не ограничиваясь этим, колчаковцы организовали собрание отряда, который состоял из 50 человек—почти поголовно добровольцев. На собрании отряд вынес резолюцию: власти не сдавать, а защищаться до последнего человека и патрона. Тут же решили усилить для политзаключенных тюремный режим.

Неожиданно разыгравшиеся в Якутии события нас застали также неподготовленными. Мы ждали своего освобождения со стороны Иркутска.

Благодаря тому, что летом нас под конвоем надзирателей отпускали на работы (пилить дрова, косить сено и т. п.), мы вошли в тесную связь с рабочими города и крестьянами ближайших деревень. Все нам сочувствовали, передавали последние новости, радовались победам Красной армии и с нетерпением ждали навигации и прихода советской власти.

Чтобы дать картину переворота и предшествовавших ему событий, необходимо хотя бы вкратце остановиться на личности т. Захарова, Ивана Алексеевича, появившегося среди нас, политзаключенных олекминской тюрьмы, в первых числах сентября 1919 г.

После проверки, в начале шестого часа, неожиданно у двери нашей камеры зазвенели ключи, и в сопровождении

двух надзирателей к нам вошел высокого роста незнакомец, одетый в огромный тулуп. Незнакомец спокойно поздоровался со всеми нами, осмотрелся кругом и так же спокойно и твердо добавил:

— Вот и новая моя квартира! Что же! Не привыкать стать!

Дверь захлопнулась. Мы окружили нового товарища и с жадностью стали расспрашивать о последних новостях. Беседовали всю ночь под грозные окрики надзирателя сквозь „волчок“ в двери.

Из беседы выяснилось, что т. Захаров — старый, с 1905 г. революционер, моряк-черноморец. Отбыл с 1906 г. по 1913 г. каторгу. Февральская революция застала его на Бодайбинских приисках, после чего он был активным советским работником; в августе 1918 г. попал в плен к атаману Красильникову, был в иркутской тюрьме 11 месяцев, освобожден оттуда месяц назад и вновь арестован за агитацию среди населения. Тов. Захаров убежденно сообщил нам, что падение Колчака неизбежно. Своими постоянными беседами он немало способствовал привлечению симпатий тюремных надзирателей.

И вот неожиданно совершился переворот. В 2 часа ночи... 1919 г. в тюрьме раздался звонок. Послышался топот ног. Все одновременно решили, что сейчас поведут рассреливать. Попрощались, решили, уходя из камеры, запеть „Интернационал“.

Время идет. О нас как будто забыли. Смотрим на дверь. Прислушиваемся. Кто-то подошел—и в „волчок“ летит записка. В ней сообщалось о перевороте в Якутске, и нас призывали к осторожности, поскольку к тюрьме приставлен военный караул.

Мы почувствовали тут, что скоро рабоче-крестьянская рука сломает решетки нашей тюрьмы, и мы будем свободны.

Наступило утро 16 декабря. Все были настроены как-то особенно нервно. Вечером узнали, что из Якутска пришла телеграмма, где перечисляются фамилии всех политзаключенных и категорически предлагается передать власть народу, в противном случае Якутск высылает отряд Красной армии.

На другой день было назначено общегородское собрание рабочих и представителей крестьянства ближайших деревень.

Вечером 17 декабря старший надзиратель Былков сообщил, что сейчас рабочие и крестьяне собрались на Верхней улице и, как видно, хотят разоружить отряд и об'явить советскую власть, но никто не решается высказаться первым и организовать это выступление.

Бездействовать дальше с нашей стороны было бы большим преступлением. Прямо поставил вопрос т. Захаров:

— Товарищи! Один из нас должен пойти на собрание и

во что бы то ни стало организовать выступление сегодня. Вот вопрос: кто пойдет?

В результате короткого совещания выбор пал на т. Захарова. Надзиратели были заодно, и через несколько минут из тюрьмы вышел т. Захаров в черной шубе арестанта, подпоясанной ремнем, и вооруженный револьвером.

Через полчаса томительного ожидания от т. Захарова принесли записку, что идут разоружать отряд.

Надзиратели разоружались добровольно. Еще час томительного ожидания. Но вот звонок нервный, беспрерывный. Слышим скрип ворот, кто-то решительно и дерзко открывает калитку. Тюрьму залил живой человеческий поток.

Десятки маленьких красных флажков держат мозолистые руки. Поцелуи, слезы, об'ятия, беспрерывное „ура", речи ораторов—все перемешалось в радостный бодрящий шум.

Провели в эту же ночь собрание. Зал не мог вместить всех желающих. Избрали ревштаб и его председателем т. Захарова. 300 человек записались добровольцами в Красную армию, пришлось прекратить запись из-за нехватки оружия. Во главе отряда по воле восставших революционных рабочих и крестьян Олекминска стал автор этих воспоминаний.

На долю моего отряда выпала задача арестовать палача Захаренко и всех участников расстрела на реке Чаре в 1918 г. Мы арестовали Захаренко на хуторе вблизи Олекминска. Все расстрелянные на реке Чаре товарищи были вывезены из тайги и с почестями похоронены в Олекминске.

Дело Захаренко и его соучастников слушалось в 1920 г. в Иркутском суде. Сам Захаренко и часть его отряда приговорены к расстрелу, несколько челевек—к заключению от 5 до 10 лет и троих как несознательных пролетариев простили.

А. ФЕДОРОВ

Последний бой

Отступавшие под натиском частей Красной армии и партизанских отрядов остатки частей Семенова, Колчака и Каппеля сгруппировались и засели на ранее укрепленном ими участке вдоль линии железной дороги от ст. Даурия и до раз'езда № 86. Сюда же они свезли все награбленное при отступлении и решили здесь защищаться от наседающих большевиков, спасая „веру православную и свое отечество".

Две бригады Коротаевской дивизии красных находились в это время в с. Сактун-Милован, в 60 *км* на северо-восток от ст. Мациевской и Маньчжурии.

19 ноября обе бригады получили из штаба дивизии оперативный приказ—отрезать противнику путь отступления и занять ст. Мациевскую. В этом же приказе было указано, что на помощь подойдет бригада амурских партизан под командованием т. Розова, которая займет юго-западные горы от ст. Мациевской.

Получив такой приказ от т. Якимова Макара командование бригад выделило боевую группу в четыре кавалерийских полка и одну батарею четырехорудийного состава. Командиром группы назначен был командир бригады т. Федоров.

Чтобы иметь ясное представление о том, где приходилось отрезать путь отступления противнику, необходимо вкратце сказать о месте расположения ст. Мациевской. Эта станция расположена в безлесной, степной, холмистой местности в 18 *км* от ст. Маньчжурии и в 9 *км* от китайской границы.

В 14 часов 19 ноября 1920 г. выделенная группа выступила в боевом порядке. Она двигалась колоннами, растянувшимися по извилистой снежной дороге на протяжении 4—5 *км*. Впереди главных частей на расстоянии 8—10 *км* двигалась авангардная часть, а еще далее виднелась заимка Шестакова. У этой заимки группа сделала привал, покормила лошадей и поужинала.

Наступила темнота, а вместе с ней поднялся буран и разыгрался до того, что на расстоянии нескольких шагов ничего не было видно. В 10 часов вечера группа двинулась с заимки Шестакова в последний 40-*км* переход.

Шли без привалов. Буран не утихал. Несмотря на плохое одеяние, бойцы стойко переносили 40-градусный мороз и вьюгу. Но всех тревожит мысль: как бы не сбиться с пути и до наступления рассвета напасть на противника.

Из авангардной части поступило донесение, что проводник сбежал, и она не знает, куда двигаться. Пошли по компасу.

Командование группы, не надеясь, что бригада Розова может своевременно подойти на помощь, изменила расстановку своих сил. Был выделен 9-й кавалерийский полк под командованием т. Епифанцева, который должен был перейти линию железной дороги между раз'ездом № 85 и ст. Шарасун, занять горы, расположенные юго-западнее от ст. Мациевской, и встретить противника на этих горах.

Шли двумя колоннами. Главные силы замедлили ход с той целью, чтобы дать возможность 9-му полку занять намеченные места.

Подошли к ст. Мациевской. Впереди виднелись костры не вместившегося в вагоны противника и бараки Мициевской.

Мы заняли горы в 2 *км* от Мациевской. Батарея стала на известной ей по предыдущему бою позиции. Коноводы отвели лошадей в укрытое место.

Противник ввиду бурана не ожидал нападения красных.

Отдельные части группы двумя цепями за исключением батареи и прикрытия батареи, которое было оставлено как резерв, пошли в наступление.

Полусотню послали взорвать мост между ст. Мациевской и раз'ездом № 86. Этим мы стремились отрезать броневики от ст. Маньчжурии.

Шли мы тихо, но все же производили кое-какой шум, заглушавшийся правда не утихающим бураном. В полукилометре от Мациевской нас встретила выстрелами застава противника, которая была сейчас же сметена. Услышав первый выстрел, наша батарея открыла огонь по противнику и одним из первых снарядов разбила водокачку. Затем, не давая противнику опомниться, батарея била из всех четырех орудий по вагонам и кострам.

Из-за вагонов ст. Мациевской выехал броневик, стремившийся оказать помощь своим частям. Наша батарея, заметив его, открыла по нему огонь из двух орудий и вскоре же нанесла ему повреждение и заставила его спешно уйти обратно.

Затем был взорван мост. У противника началась полнейшая паника. Из вагонов выскакивали полунагие, хмельные офицеры.

Раздалось громкое и дружное „ура". Мы заняли станцию. Противник бежал и пытался занять юго-чападные горы. Мы

преследовали его огнем из только что отнятых у белых пулеметов.

На юго-западных горах противника дружными залпами встретил наш 9-й полк. Наша артиллерия перенесла огонь на 300—400 *м* через ст. Мациевскую и, несмотря на темноту, метко била по скопившемуся у юго-западных гор противнику.

Со стороны ст. Даурия в это время подошел эшелон белых. Мы встретили его пулеметным и ружейным огнем. Из вагонов эшелона выскакивали солдаты и, не оказывая сопротивления, бросались в бегство. Часть из них, в том числе и оркестр духовой музыки, осталась в вагонах. Убегавшие же попадали под наш перекрестный ружейный и пулеметный огонь.

Занялось серенькое утро. Коноводы подали лошадей. Бойцы садились на коней и преследовали противника, настигая и убивая белых. Так продолжалось на протяжении 9 *км* до самой китайской границы. Юго-западная сторона железнодорожной линии от ст. Мациевской и до границы была устлана трупами белых.

Вернувшись на ст. Мациевскую, мы подсчитали отбитые трофеи; 6 самолетов, более 20 автомобилей, 7 вагонов различного обмундирования, 18 вагонов огнеприпасов, 17 вагонов продовольствия (в том числе 4 вагона сала), 3 орудия, 10 пулеметов, много телеграфного и телефонного имущества, 3 вагона байхового чаю. Пленными было взято 39 офицеров и до 500 солдат, целый оркестр духовой музыки.

С этого момента Забайкалье было очищено от семеновских и прочих белогвардейских банд.

А. ВОРОНИН

Владивостокское подполье

29—30 июня 1918 г. чехи под прикрытием международного десанта, в котором принимали участие представители так называемых союзных армий, совершили во Владивостоке переворот, арестовав почти в полном составе исполком совета и наиболее активных членов комитета партии большевиков.

Героически сопротивлялась чешскому наступлению лишь небольшая группа грузчиков под руководством военной комиссии, засевшая в штабе против вокзала. Отсутствие вооруженного сопротивления в самом городе Владивостоке об'ясняется тем, что большинство сил было стянуто на гродекопский фронт и основное сопротивление чехам было оказано в Никольск-Уссурийске, откуда наши части отходили с боями.

Во Владивостоке уцелела от разгрома небольшая группа товарищей—Птицын, Зоя Станкова, Зоя Секретарева, Фельдман, доктор Сенкевич, Раев, Меркулов, Таня Цивилева, Ершов, Климов, Дольников, Яков Кокушкин, Игорь Сибирцев и др.

Эта группа, вначале работавшая полулегально, вскоре вынуждена была уйти в подполье и сразу же приступила к сплачиванию оставшихся сил. Организовали рабочий Красный крест, установили связь с заключенными товарищами, наладили издание газеты и работу среди молодежи. В середине августа на собрании в Народном доме был избран подпольный городской комитет партии в составе 4 товарищей.

В рабочем Красном кресте после переворота работали: Зоя Секретарева, Саша Фадеев, Клавдия Шумяцкая, Таня Цивилева Клавдия Никифорова, Мария Белова, Тамара Головнина, Мария Ангарская, Ольга Левич, Тупицина и другие товарищи. Их работа сводилась к изысканию средств, вещей и питания для заключенных и их семей. В деле материальной поддержки большую роль сыграл союз владивостокских грузчиков, насчитывавший до 7 тыс. членов. В дальнейшем было организовано паспортное бюро и снабжение оружием и продовольствием партизанских отрядов. Кроме того эта группа содействовала побегам палитзаключенных и служила связью между парткомитетом подполья и сидевшими в тюрьмах и чешских лагерях товарищами.

После закрытия наших газет группа партийных товарищей—Фельдман, Кокушкин, Секретарева, Сибирцев и ряд других—была брошена на работу по организации газеты ЦБ профсоюзов, которая выходила под разными названиями.

Газета эта после переворота выходила сначала легально под контролем чешской цензуры, зверски расправлявшейся с ее содержанием. Но даже выходя с белыми местами, она не сдавала принципиальных позиций и вела массы на борьбу с реакцией.

Позже из-за преследований и нехватки средств организация перешла на нелегальный выпуск воззваний, лозунгов и листовок, обеспечив себе хорошо законспирированную подпольную типографию.

Немедленно после переворота стала задача—возглавить профсоюзы. В ЦБ профсоюзов комитет РКП направил Раева, Логинова, Климова, Морозова, Лисенко, Денисенко и других членов партии. Эта группа ни на минуту не ослабляла работы по политической организации масс. 4 июля, через 5 дней после чешского переворота, ею были организованы например похороны 7 товарищей грузчиков, убитых во время чешского выступления. В демонстрации участвовало 17 тыс. рабочих и их семей, и чешское командование вынуждено было освободить для участия в похоронах К. Суханова (председателя исполкома совета) и В. Губельмана. Через ЦБ профсоюзов были организованы выборы в городскую думу, в которую прошло большевистское большинство депутатов, а когда эти выборы были анулированы, то новым выборам был об'явлен бойкот и в них участвовало только 11% избирателей. 29 августа 1918 г. ЦБ профсоюзов была организована первая всеобщая забастовка против интервенции, а в начале 1919 г.—вторая, после которой колчаковское правительство было вынуждено легализовать профсоюзы. Одновременно через профсоюзы велась и военная работа.

Также неослабно с первых же дней после чешского переворота шла работа среди молодежи. На этом участке работала группа молодых большевиков под руководством Якова Кокушкина. Эта группа участвовала в выпуске газеты и организовала рабочую молодежь для подпольной техники (добыча оружия и военных материалов, связь, переотправка в партизанские отряды и т. д.).

Вскоре партийная организация переходит к методам подпольной работы. Создаются подпольные ячейки, в первую очередь в порту, на железнодорожных узлах и на складах военных снаряжений. Организуются явочные пункты и склады оружия: на Первой Речке, на Эгершельде в рабочей слободке, на ст. Океанской и т. д.

Партийная организация укрепляется прибывшими из Забайкалья и Сибири товарищами. В их числе были: Вла-

димиров, Дельвиг, Ширямов, Эглит, Сафонова, Сахьянова Резников, Шишкин, Перевозчиков, Горняши, Вера Заливина и др. Организация в то время насчитывала в своих рядах уже около 200 активных членов партии.

С первых же шагов партизанского движения в Приморье владивостокская организация связалась с сучанским отрядом и в дальнейшем руководила всем партизанским движением, для чего был создан военный отдел парткома.

В связи с разногласиями между забайкальской группой и приморцами возникла необходимость договориться по ряду принципиальных вопросов о линии парторганизации на ближайший период. 22 декабря 1918 г. был созван в прогимназии Сибирцевой актив организации (30 человек), на котором стоял также вопрос об организации Приморского областного комитета партии, так как многие организации Приморья требовали создания единого партийного центра.

По первому вопросу от владивостокской организации с докладом о международном положении и задачах РКП(б) в разрезе приморской организации выступил т. Дельвиг, а с содокладом—т. Резников.

На активе выявились две точки зрения.

Сторонники первой точки зрения выдвигали следующие задачи:

1. Необходимость перехода партии от пассивного руководства к активной борьбе с контрреволюцией и интервентами.

2. Организация рабоче-крестьянских сил для борьбы с контрреволюцией и за безоговорочную активную поддержку партизанского движения в Приморье.

3. Организация военного отдела при комитете для руководства и помощи партизанскому движению оружием, боевым снаряжением, посылкой людей в отряды и т. п.

Другая точка сводилась к следующим положениям:

1. На Дальнем Востоке недостаточно организованных революционных сил.

2. Неудавшаяся партизанская борьба в Приморье подведет под жестокий удар крестьянство.

3. Неминуем полный разгром профессиональных организаций.

За первую резолюцию голосовало 20 человек, за вторую—всего 4 человека. Этим было внесено единодушие в работу организации.

В комитет Приморской области были избраны: Дельвиг, Воронин, Фельдман, Зоя Секретарева, Игорь Сибирцев, Адольф Владимирский. Позже комитет был дополнен тт. Лазо, Кушнаревым и Губельманом. Этот состав комитета в основном был утвержден 2-й подпольной Дальневосточной конференцией.

Организация Областного приморского комитета РКП(б) была утверждена в следующей схеме: 1) Военный отдел—Воронин, Фельдман; 2) подотдел снабжения—Шишкин, Горихин; 3) связь и явки—Перевозчиков, Меркулов; 4) информации—Сафронова, Сахьянова; 5) транспортная секция; 6) Агитационно-пропагандистский отдел—Дельвиг, Сибирцев; 7) Красный крест—Секретарева; 8) финансовый отдел—Владимирский.

На этом партактиве решен также был вопрос о созыве 19 апреля 2-й подпольной Дальневосточной областной конференции из представителей Читы, Благовещенска, Хабаровска, Харбина, Владивостока, Спасска и районов партизанского движения.

На этой конференции после основного доклада т. Лазо о задачах партии в Приморье было подтверждено решение предыдущей конференции о руководстве партизанским движением.

От резолюции комитет немедленно перешел к делу. В помощь и для руководства партизанским отрядам комитетом РКП(б) были посланы тт. Лазо, Губельман, Шумяцкий, М. Дорошенко, Игорь Сибирцев, Владивостоков, Саша Фадеев (Булыга), Руденко, Дольников, Судаков, Нерезов, Миша Мышкин, Тамара Головкина, Попов и целый ряд других. В Ольгинский район были посланы Ширямов и Алютин. Сотни добровольцев рабочих и матросов также были переотправлены в партизанские отряды.

В задачи военного отдела партизанского комитета входило: а) организовать снабжение партизанских частей военными припасами и продовольствием; б) поддерживать с ними связь, сообщать о передвижении белогвардейских и интервентских отрядов; в) пополнять партизанские отряды людьми и руководителями.

Первый транспорт—два вагона муки—был отправлен в мае 1919 г. под видом помощи Земской управы для крестьян Фроловской волости, пострадавших от наводнения. Накладная на этот груз была передана т. Самусенко, одному из фроловских крестьян, державших связь отряда с военным отделом.

Второй транспорт был организован морским путем в июне. На деньги, полученные комитетом в профсоюзе грузчиков, были закуплены 100 пар чирков, несколько пудов подошвенной кожи, белье, морская трава для чирков, медикаменты, винтовки, несколько ящиков винтовочных патронов, ручные гранаты и т. д. Этот транспорт был погружен на шаланду и с корейскими товарищами отправлен во Владимирово-Александровск, а оттуда успешно дошел до отряда.

Группа товарищей—И. И. Ершов, Непомнящкий, Меркулов и др.—установила наблюдение за передвижением

по железной дороге боевого снаряжения, принадлежащего интервентам и белобандитам.

Наши товарищи железнодорожники во время маневров загоняли нужный вагон в тупик, подальше от станции. Там наша военная организация, мобилизовав человек 15, разгружала в течение двух часов весь вагон с патронами и другим снаряжением и закапывала всю добычу поблизости. Потом из земельных складов постепенно извлекали и переотправляли снаряжение по указанию военного отдела.

Другим источником добычи снаряжения были эгоршельдские склады генерала Розанова. В латышском батальоне мы получали гранаты, винтовки, патроны и т. д. От американских войск, где работала группа большевиков в качестве переводчиков (т. Эглит и др.), доставали медикаменты, одежду, белье, револьверы и т. д. Наконец еще источник—сбор оружия и военного снаряжения среди рабочих (бывших солдат) и среди сочувствующих советской власти.

Под руководством партийного комитета в области были сколочены крепкие центры. Например в Сучанском районе был создан первый Дальневосточный советский полк численностью до 600 человек при 4 пулеметах. Второй центр сколотился на Ольге и Тетюхе, где имелись отряды с пушками и пулеметами. Была организована мастерская снаряжения патронов. Через посланных из Владивостока товарищей была установлена связь с отрядами.

Около Никольска был сорганизован особый Дальневосточный партизанский отряд имени т. Ленина численностью в 1 800 человек при пулеметах.

Владивостокская партийная организация, непосредственно руководившая партизанской борьбой в тяжелых условиях подпольной работы, добилась того, что партизанское движение в Приморье все время развертывалось под правильными политическими лозунгами и закончилось поражением белогвардейцев и интервентов.

А. ШИРМОВ и
Д. КУДРЯВЦЕВ

Тетюхинское восстание

Уже в апреле 1918 г. В. И. Ленин, гениально предвидя события, телеграфировал Владивостокскому совету:

„Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей—не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут вероятно все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться изо всех сил. Больше всего внимание надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов ж.-д. материалов".

5 апреля 1918 г. японцы, предварительно спровоцировав убийство двух японских граждан в японской конторе „Исадо", высаживают во Владивостоке десант с броненосца. Интервенция, как всегда, началась с заверений в дружбе: японский адмирал в своем обращении писал, что „высадка десантов не направлена против революции, и что он питает глубокую дружбу и сочувствие к русским вождям и русскому народу".

Истинные замыслы интервентов были однако вскоре раскрыты. Чехословацкие эшелоны, направлявшиеся к себе на родину через Сибирь, по заранее разработанному генеральными штабами союзников плану подняли вместе с русской контрреволюционной буржуазией офицерщиной и соглашателями эсерами и меньшевиками восстание против советов.

30 июня 1918 г. интервенты силами чехословацких и японских войск совершили переворот в Приморье, арестовав еще не окрепший к тому времени Владивостокский совет рабочих, крестьянских и красногвардейских депутатов.

Трудящиеся Приморья, организовав под руководством компартии Никольск-Уссурийский фронт, в течение 4 месяцев успешно отражали натиск внутренней и иностранной контрреволюции. Красная гвардия не раз наносила сильные удары вымуштрованным палочной дисциплиной японским и чехо-словацким войскам. Но враг, бросивший на Дальний Восток значительные силы и средства, нарушивший связь трудящихся Сибири с центром России, на некоторое время

оказался сильнее. Рабочие и крестьяне Дальнего Востока, потерпев временное поражение и ясно видя результат белогвардейской диктатуры—занятие края интервентами, несущими на своих штыках прежнее капиталистическое рабство,—стали готовиться к восстанию.

Готовились к нему и оставшиеся после ликвидации рудника рабочие Тетюхе.

Примерно в 600 *км* к северу от Владивостока расположен г. Ольга, а еще севернее его—бухта Тетюхе, открытая с моря. В 35 *км* от бухты в глубь хребта Сихоте-Алинь находится серебро-свинцовый рудник одноименного названия с бухтой. До войны он принадлежал акционерному обществу, в котором преобладал немецкий капитал. Руда обжигалась и концентрировалась на фабрике, имевшейся на руднике, но самая выплавка металла велась в Германии. Во время войны рудник был отобран у немцев и передан в распоряжение русских акционеров общества.

В описываемый период на руднике работы почти не велись, и рабочих было не более 150 человек; остальные в ожидании пуска рудника разбрелись по окрестным деревням.

Это побережье Тихого океана было заселено лишь в течение последних 2—3 десятков лет, и население еще недостаточно привыкло к хлебопашеству. Дикий, покрытый тайгой, малонаселенный хребет давал хороший заработок от охоты: по побережью шли заготовки леса, вывозившегося в Японию; море давало рыбу и морского зверя. Каждый крестьянин здесь был охотником, прекрасным стрелком, имел ружье, а то и два.

Гарнизонов на побережье не было даже и в царское время. Власть представлял урядник—наглый и придирчивый в тихие времена, трусливый и беспомощный в дни волнений.

Сношения с Владивостоком, снабжение края товарами и хлебом велись, да и теперь ведутся исключительно морем. Сообщение с дальними поселками летом возможно только верхом по тропам. Рудник с бухтой был соединен узкоколейкой.

После белогвардейского переворота 1918 г., после высадки в крае японских войск и занятия ими всего Дальнего Востока работы на руднике прекратились. Но бои прошли далеко за хребтом, и основное ядро рабочей организации на руднике сохранилось почти полностью. Тетюхинский совет был свергнут только в конце августа 1918 г. при помощи японцев, прибывших туда вместе с белогвардейцами на трех судах.

Этому рабочему центру наряду с Сучаном в истории партизанского движения в Приморье суждено было сыграть выдающуюся роль в деле организации восстания крестьян б. Ольгинского и Н.-Уссурийского уездов.

Нелегальная большевистская Тетюхинская организация,

в которую входили: старый большевик А. Ширямов, братья Архиповы, Грахов, Возный, Кудрявцев, Лунев-Рекварт и Мурый с рудника, Сержант из д. Мутыхе, Милай и Трухин из с. Вл. Мономахово,— ждала от Владивостокского комитета РКПб) приказа о восстании.

Ночью 22 февраля 1919 г. организация подняла знамя восстания за власть советов. В течение суток на протяжении 75 *км* с властью Колчака были сведены все счеты и колчаковская милиция была арестована. Рудник с его запасами перешел в руки повстанцев. На другой день был организован революционный штаб, главой которого был избран фронтовик т. Сержант — человек с крепкой волей и большим организаторским талантом.

Руководители восстания твердо держались плана—бросить все силы к решающим пунктам Уссурийской дороги, Владивостоку, Сучану, где должна была собственно решиться судьба партизанского восстания.

Тетюхинский ревштаб, опираясь на рабочих рудника и настойчиво преодолевая крестьянские настроения защищать себя около своих деревень, сумел организовать не только оборону, но и наступление. Этот правильный взгляд на задачи восстания—все бросить на помощь центру—являлся отличительной чертой всей деятельности большевистской организации и Тетюхинского штаба.

Уже 4 марта 1919 г., возглавляемые ударным отрядом тетюхинских рабочих под командой т. Шуббо, крестьяне дд. Серафимовка, Кавалерово, Богополь, Перское, Фурманова и др. числом в 220 человек с боем заняли г. Ольгу, разгромив колчаковскую милицию и переарестовав контрреволюционные элементы.

5 марта восставшие весь день вели жаркий бой с прибывшим на пароходах „Георгий" и „Батарея" карательным колчаковским отрядом под командой полковника Сабаева. Нанеся большие потери колчаковцам, 50 человек убитых и раненых,—партизаны в силу недостаточной организованности отступили к д. Сарафановка. Помощь и посылка отряда лучше вооруженного (к этому времени у восставших появились своего изобретения динамитные бомбы) были первым делом Тетюхинского штаба. С прибытием второго отряда под командой т. Сержанта (12 марта) положение карательного отряда оказалось безнадежным, и он, видя перевес партизан, на кануне второго наступления партизан на Ольгу ушел под покровом ночи на пароходах во Владивосток.

Первое столкновение с колчаковцами закончилось победой восставших.

До июля г. Ольга и Тетюхе находились в руках партизан. Победу надо было во что бы то не стало закреплять и расширять. Еще 18 марта организованный Тетюхинским

штабом партизанский отряд, состоявший наполовину из рабочих рудника, под командой фронтовика-охотника т. Степана Глазкова, выступил на помощь восставшему Сучану. Немного позже второй отряд под командой т. Ширямова вышел с рудника Тетюхе в Спасский и Анучинские районы. Оба отряда благодаря наличию в них дисциплинированного и революционно-стойкого рабочего ядра сыграли огромную роль в партизанском движении Приморья.

Всюду, куда вступали тетюхинцы, бедняцко-середняцкое крестьянство с небывалым под'емом и энтузиазмом встречало эти отряды и пополняло их ряды.

Усилиями этих отрядов было поднято восстание в б. Маргаритовской, Беневской, Киевской волостях Ольгинского уезда и Чугуевской, Анучинской и Яковлевской долинах Н.-Уссурийского и Спасского уездов.

Появление отряда тетюхинцев под командой т. Глазкова в числе 180 чел., почти сплошь вооруженных винтовками, в Сучанской долине означало важный момент: об'единение двух пролетарских центров восстания. Ольгинский уезд от Советской Гавани до Шкотова с оружием в руках поднялся против Колчака и интервентов. Фронт восставших простирался на 500—600 *км.*

В конце марта восставшими был избран военнореволюционный комитет всего Ольгинского уезда, во главе которого стоял т. И. В. Слинкин.

Под руководством ревкома после непрерывных месячных боев с колчаковцами, в особенности после Перетинского боя, партизанские отряды Сучана вынуждают белогвардейцев в конце апреля покинуть долину Сучана. Занятые отражением атак партизан на Уссурийскую железную дорогу, белогвардейцы временно оставляют в покое Тетюхе-Ольгинский район, по временам только обстреливая Тетюхе с моря с крейсирующих пароходов.

Эту временную передышку Тетюхинский штаб использовал для организации и посылки экспедиционных отрядов на фронт, для снабжения отрядов боевыми припасами, бомбами, патронами и динамитом (его в достаточном количестве мы захватили на складах рудника) и наконец для укрепления самого Тетюхе.

Чтобы обезопасить себя с моря, с Владимирского маяка сняли старую сигнальную пушку, которую поставили на вагонетку узкоколейной железной дороги. Снаряды для пушки делали квалифицированные рабочие-партизаны—тт. Сидоренко-Устый, Лариошин, Малинин, Левко, Лунев и др.—в рудничной мастерской, где имелась печь для литья. Эта знаменитая пушка сильно пугала колчаковские пароходы и ледоколы, тем более, что она на самом деле могла протаранить своими снарядами любое небронированное судно. Пушка имела всего-навсего 37 снарядов; три

из них были выпущены по пароходу „Взрыватель", который, избежав удара, удрал во Владивосток, разнося весть о неприступности Тетюхе.

В мастерской выделывались из меди патроны, в которых так сильно ощущалась нужда в партизанских отрядах, а также превосходные динамитные бомбы, превосходящие своей разрушительной силой бомбы Новицкого. Бомбы эти делались по указаниям т. Лунева. Набивка бомб требовала большой осторожности и смелости. Был случай, когда мастерская чуть было не взлетела на воздух: при запайке произошел взрыв бомбы, товарищу пришлось отбросить бомбу в угол кузницы; к счастью остальные находившиеся в мастерской бомбы не взорвались.

О тетюхинских бомбах можно было бы рассказать очень много, но достаточно упомянуть о двух случаях, чтобы показать, какую незаменимо боевую роль играли они в партизанской борьбе.

В бою отряда Глазкова с американцами за обладание д. Новицкой американцы, численностью в 4 раза превосходившие партизан (американцев было 500 человек), благодаря наличию у нас бомб, пущенных небезрезультатно в ход во время жаркого боя, не могли взять командующей над этой деревней высоты и отступили.

Второй случай. Партизанский отряд под командой т. Туманова смелым налетом занял раз'езд Свияжья, защищаемый американцами. У противника отбиты были находившиеся при лесозаготовительной конторе скот, лошади и хлеб, который тут же и был погружен в вагоны и вывезен в глубь тайги по ширококолейке. Действовали мы опять бомбами. Об этих боях колчаковские газеты писали так: „Партизаны, вооруженные до зубов, атаковали станцию, предварительно обстреляв ее из 3-дюймовых пушек". Занятие станции и взрывы бомб, принятые за разрывы артиллерийских снарядов, деморализующе подействовали на весь колчаковский гарнизон г. Спасска.

Среди партизанских команд напряженно работала изобретательская мысль. Накануне наступления белых (июль 1919 г.) было приступлено к устройству бомбомета, который тоже был создан руками рабочих. Наряду с оружейной мастерской штабом была организована пошивочная мастерская, где шились обувь, патронташи и отчасти брезентовая одежда.

Продовольственный вопрос наряду с военным был самым серьезным делом для „Тетюхинской республики". Продовольственные запасы, попавшие в наши руки, в феврале были небольшие и быстро истощались. В море шарили колчаковские суда, наблюдая за тем, чтобы в Тетюхе и Ольгу не проникла ни одна шаланда и лодка с хлебом. Так как крестьянство Тетюхе-Ольгинского рай-

она, кормившееся охотой и заработком от рудника Тетюхе, само нуждалось в хлебе, надо было позаботиться о подвозе хлеба из других районов.

Задача была не из легких. Было решено во что бы то ни стало доставить хлеб из-за перевала, из Н.-Уссурийского уезда. Надо было преодолеть дикую приморскую тайгу—прорубить тропу на расстоянии 90 *км*. Рабочие не остановились перед этой трудной задачей. Часть муки была доставлена. Вскоре, в июле, при помощи нелегального Владивостокского комитета партии удалось обмануть бдительность сторожевых судов и доставить в бухту „Восток" около 2 000 пудов муки. Отсюда мука, погруженная партизанским отрядом Глазкова, была переотправлена на неуловимом катере „Рында" („партизанский дрендоут") с его преданным и неустрашимым капитаном Ваймом в Ольгу и Тетюхе. Конечно такое снабжение не могло удовлетворить потребностей повстанцев; поэтому с самого начала восстания Тетюхинский ревштаб ввел карточную систему, хлебозапасы строго учитывались, хлеб пекли из овса и бобов.

Белые не могли не замечать организующей роли тетюхинских рабочих. За этот промежуток времени тетюхинцы под командой Глазкова, Ширямова и Кураленко участвовали в многочисленных боях против японцев, американцев и колчаковцев. Отряды неоднократно взрывали железнодорожные линии, пустили под откос колчаковские поезда под ст. Ипполитовка и Свиягино, нападали на Сучанский рудник, нанося противнику большой урон.

Интервенты, зная о Тетюхе как политическом и техническом центре, направили в Тетюхе на английском крейсере „Кент" международную комиссию, чтобы ознакомиться с движением партизан и уговорить руководителей восстания сдаться на милость Колчака. Между командиром Тетюхинского отряда т. Сержантом и интервентами на борту крейсера произошла жаркая дискуссия, которая кончилась тем, что Сержант в ответ на призыв интервентов покончить „братоубийственную войну" от имени восставших предложил интервентам покинуть Сибирь и Дальний Восток: „тогда гражданская война быстро прекратится, ибо одни белогвардейцы не продержатся у власти и одного дня". На этом и закончились переговоры с интервентами.

Белогвардейщина пыталась взорвать Тетюху изнутри С этой целью колчаковцы, пославшие своих агентов и установившие связь с кулаками-староверами д. Джигит, пытались поднять восстание против тетюхинских рабочих. Попытка была во-время раскрыта. Об'единенными умелым действиями тетюхинских и тернейских партизан под командой т. Сержанта кулачество было разгромлено наголову. Обманутая часть бедняков и середняков влилась в партизанский отряд.

Оттеснив при втором наступлении на Сучанскую долину в июле партизанские отряды к перевалу Сихотэ-Алинь, белые совместно с американским десантом двинули против Тетюхе целый полк в 1500 человек Сначала была занята Ольга. Укрепившись здесь, колчаковцы с большой осторожностью повели наступление на рудник. Борьба была неравная. Для защиты рудника штаб мобилизовал все силы, но к этому времени большая часть лучших бойцов находилась на Спасском, Сучанском фронтах; нехватало и оружия для добровольцев. Рудник после ряда боев пришлось сдать.

Но не долго пришлось торжествовать белым; вскоре под рельсы узкоколейки был заложен мощной силы динамитный фугас, и, когда отряд колчаковцев возвращался с рудника в бухту, партизаны подорвали белогвардейский отряд и уничтожили его. В руки партизан досталось 2 пулемета Кольта, 90 винтовок и 40 оставшихся в живых колчаковцев. В этом бою пали наши самоотверженные товарищи—любимцы всего отряда—фронтовики Москалюк и Меркулов.

Стоит рассказать, как технически был организован этот взрыв. Под рельсы и насыпь был заложен динамитный фугас. Так как никакого прибора для проведения в динамит искры в распоряжении партизан не было, они поступили так: взяли берданку, обрезали ствол, зарядили холостым патроном, поставили затвор на боевой взвод и конец ствола ввели в динамит. От собачки спуска протянули в кусты веревочку, все замаскировали и засыпали землей. При подходе поезда достаточно было дернуть за веревочку, чтобы от выстрела динамит взорвался.

Впоследствии точно таким же способом около Спасска был взорван т. Сидоренко колчаковский почтовый поезд.

Весть о победе Тетюхинских партизан быстро распространилась по всему побережью Ольгинского уезда. Крестьяне Ольгинского района шлют гонцов на перевал за Глазовским отрядом. Все отряды стягиваются к г. Ольге для наступления на колчаковцев, засевших за проволочными заграждениями и не смевших высунуть своего носа дальше г. Ольги. Начинаются бои за обладание городом.

Мобилизованные колчаковцы установили братание с партизанами. Каждую ночь к нам переходили по 10 и больше колчаковцев. Колчаковский полк окончательно деморализовался, и только поспешное бегство спасло его от окончательного разложения. В октябре 1919 г. Ольга и Тетюхе были заняты партизанами.

Задача, выпавшая на долю Тетюхе, этой далекой пролетарской ячейки, организовать на побережье восстание против белой диктатуры белогвардейцев и интервентов, была выполнена с честью. А в январе 1920 г. все остатки

колчаковской армии перешли на сторону партизан. Сучанцы, тетюхинцы, альгинцы победителями вошли во Владивосток. Но не недолго: потребовалось еще два года борьбы с белогвардейщиной, два года совместных усилий нашей героической Красной армии и красных партизан Приморья для того, чтобы окончательно восстановить власть советов на Дальнем Востоке.

Н. ИЛЬЮХОВ
и М. ТИТОВ

Неудавшийся десант[1]

Мощным потоком разрастающееся партизанское движение Приморья не позволяло белогвардейцам показать нос в деревню и стало угрожать непосредственной опасностью городам, где на гнилых тронах восседали господа „наместники“ со своей шатией.

Противник чуял, что крестьянство и рабочие совсем „выпряглись из оглобель“, и ему оставалось одно: или признать свое бессилие перед восставшими или попытаться показать, что у него есть еще „порох в пороховницах“.

Избрав последнее, враги в июне начали копошиться. Усиленно бьют челом перед „самураями“ и „янки“ и под прикрытием этих „нянюшек“ делают новые налеты на партизанские отряды.

Главной же целью организованного большевистской партией для руководства партизанским движением революционного штаба было изгнание из Сучана карательных отрядов белогвардейцев и очищение всего южного Приморья от противника, чтобы на более широкой основе развернуть партизанское движение и создать прямую дорогу к Владивостоку—этой командной высоте контрреволюции.

Первым и самым трудным делом в выполнении этого плана явилось овладение селом Владимиро-Александровским и вообще завоевание Сучана.

Тов. Ильюхову было поручено разработать оперативный план, и 6 марта все партизанские силы повели наступление в направлении Владимировки.

Без боя противник сдал село Перятино, Унаши, Екатериновку, Голубовку и укрепился во Владимировке. Для фортификационных работ было мобилизовано все население. Видимо враг готовился к самой упорной обороне своего теперь единственного опорного пункта.

При такой обстановке мы, не имея артиллерии и пулеметов, не хотели итти напролом на замуровавшегося противника и решили взять деревню внезапно после того, как его силы будут подорваны нашими частичными операциями и блокадой.

---

[1] Из книги Н. Ильюхова и М. Титова „Партизанское движение в Приморьи“, гл. VIII и IX с некоторыми изменениями и сокращениями.

Бухту Ченьювай и деревню Унаши занял Тетюхе-Ольгинский отряд в 250 человек под руководством т. Глазкова, а деревни Екатериновку, Голубовку и бухту Находку (откуда ожидалось подкрепление белым из Владивостока)—Сучанский отряд в 600—700 штыков под командой Либкнехта.

Силы белых определялись примерно в 1 200 человек. Командовал ими ген. Волков—герой разгона эсеро-кадетского коалиционного „Всероссийского временного правительства", без сколько-нибудь существенного сопротивления уступившего место адмиралу Колчаку.

Таким образом Владимировка превратилась в крепость, осажденную со всех сторон партизанами и лишенную возможности связаться с Сучанскими рудниками и Владивостоком.

Началась длительная и упорная борьба. Партизаны со всех сторон каждую ночь нападали на заставы противника, на дома, занятые колчаковцами, и не давали ни минуты покоя обороняющимся, держа их в страхе и трепете. Так продолжалось 8 труднейших, бессонных суток.

Для того чтобы определить настроение белых, мы включились в телеграфную линию и от имени начальника американского гарнизона на Сучанских рудниках начали вести с ними разговор по прямому проводу.

Разговор состоял примерно в следующем.

Мы называем фамилию американского начальника Пендельтона и вежливо, с нотками сочувствия, спрашиваем начальника белых:

— Верны ли наши сведения, полученные частным путем, о том, что партизаны обложили со всех сторон Владимировку, лишили связи господина ген. Волкова с правительственными войсками и ген. Ивановым-Риновым?

Начальник штаба белых отвечает: „Да".

„Полковник Пендельтон": Есть ли у вас уверенность в том, что господин ген. Волков сможет самостоятельно восстановить эту связь, чтобы получить поддержку извне и разрушить партизанскую блокаду?

Ответ: Трудно сказать, но такой уверенности мы все же не теряем.

Вопрос: Не могу ли я надеяться на счастливый для нашей армии случай, чтобы помочь уважаемому генералу?

Ответ: Я об этом доложу, лично же думаю, что генерал будет рад вашему предложению и поспешит выразить свою сердечную благодарность вашей доблестной армии.

Вопрос: А известно ли вам, подлец, что это говорят красные партизаны и что вы разболтали ваши секреты о вашем отчаяньи?

Ответ: Негодяи!!

С нашей стороны: Да здравствует социалистическая революция! Привет солдатам, смерть офицерам!

Ответ: нецензурные слова, поток ругательств.

На девятый день осады ночью ген. Волков с группой офицеров „перехитрил" нас и по лесной тропе бежал во

Владивосток, оставив своих молодцов без него—„столь ценного для родины патриота".

Первое наше наступление—17 марта—белые отбили. Ночью мы собирались вновь атаковать позиции противника, но в течение дня картина резко изменилась.

Наши наблюдательные посты, расставленные на сопках у берега моря, донесли, что на горизонте появился морской отряд из 4 судов, который приближался к бухте Находка. Мы быстро двинули весь Сучанский отряд к берегу для оказания сопротивления высадке десанта. Ольгинский отряд должен был удерживать за собой села Унаши, Екатериновку, Голубовку, а также дорогу, соединяющую Владимировку с Находкой, не допуская ни под каким видом выступления Владимировского гарнизона белых на помощь десанту. Инициатива наступления перешла таким образом в руки врага, а мы должны были теперь обороняться.

Часа через два наблюдатели донесли, что в море заметно приближение еще трех судов. Обстановка складывалась не совсем благоприятно для нас.

Не доходя полуверсты до берега, три судна остановились и начали выгружать из лодки войска. Остальные четыре судна расположились на флангах и приняли боевой порядок. Мы развернули свои цепи, заняли удобные позиции и, затаив дыхание, ждали приближения целой стаи лодок, битком набитых солдатами.

Пропустив их на расстояние 800—1 000 шагов, партизанская цепь открыла дружный огонь. В лодках поднялся беспорядочный крик солдат, сливавшийся со словами команд видимо тоже растерявшихся офицеров. Несколько минут десант не мог привести себя в порядок; послышалась ответная нестройная стрельба, и... лодки стали круто поворачивать назад. Наконец загрохотали орудия с судов, но момент был уже пропущен и десант отбит.

Спустя два часа стала усиливаться артиллерийская пальба по нашим цепям. Ясно, что это была подготовка к новому десанту. Так и случилось. Повторился бой, только более упорный с обеих сторон и продолжавшийся около полутора часов. Партизаны сидели на скалах крутого морского берега и, укрываясь от бешеного артиллерийского огня противника, метко разили колчаковцев, прятавшихся за борта своих лодок. Десант снова не выдержал, вернулся на суда, а незначительная по сравнению с подавляющей силой противника кучка партизан громко и весело торжествовала вторую победу.

Вечер и ночь прошли благополучно. Рано утром в облаках морского тумана наши наблюдатели заметили приближение двух судов—одного японского, другого—американского. Цепь партизан, пролежавшая на своей позиции уже около суток, с гордостью встретила появление этих

судов. И в самом деле было чем гордиться: целая эскадра оказывается бессильной, не может ничего сделать, чтобы выручить Владимировский гарнизон белогвардейцев, с нетерпением ожидающих помощи со стороны моря. Каково же сейчас самочувствие правительства во Владивостоке, каково после этого будет и представление о наших силах?

—Ребята, не сдавать позиции, будем бороться до последнего патрона!—заговорили партизаны.

А суда интервентов между тем приближались.

Орудия стали усиливать пальбу, били то по нашим цепям, то, ожесточаясь, переносили прицел на деревни Голубовку и Екатериновку, расположенные в 10—12 *км* от берега. Наступал критический момент. С судов снова стали высаживаться в лодки войска.

Трудность для противника попрежнему состояла в том, что основную тяжесть нашего сопротивления должны были нести лодки. Пулеметный огонь ввиду дальности расстояния не представлял для нас опасности и больше поднимал дух наших бойцов, чем давал преимущества противнику. Артиллерия же била беспорядочно по всей территории боя и не могла никак нащупать нашей цепи. В результате бой делался очень шумным, внешне интенсивным, но почти безрезультатным для нападающих. Зато положение партизан было превосходное: из цепей стреляли по лодкам на очень близком расстоянии и с большой вероятностью попадания. Вот почему и эта третья попытка к высадке десанта потерпела неудачу.

Трое суток почти без сна упорно и стойко партизаны Сучанского отряда удерживали свои позиции, разбивая все попытки врага произвести высадку на берегу и овладеть береговым районом.

Весть о таком успехе партизан разнеслась по всем уголкам области. Ревштаб посылал нам свои воззвания с выражением восхищения своими бойцами и призывал продолжать оборону. Крестьяне на сходах выносили резолюции такого же характера с обещаниями сделать со своей стороны все возможное для помощи своим сыновьям и братьям. Партизаны ликовали, гордясь столь неожиданным успехом.

Наконец противник, собрав все силы, даже матросов с пароходов, двинулся с небывалым за все эти три дня упорством и выбил нас из нашей засады. Патроны были на исходе, потому решено было отступить. В течение всего пути от бухты Находка до Екатериновки, куда мы стягивали свои силы, шел бой. Артиллерия теперь уже била прямо по равнине, где судам, как на ладони, были видны наши цепи.

В Екатериновке Сучанский отряд получил подкрепление в 80 штыков новых бойцов, прибывших во главе с неутомимым нашим агитатором „Макаром Макаровичем"

(псевдоним Тамары Головниной). Однако в Екатериновке дать бой было невыгодно по географическим условиям: наши силы (Сучанский и Тетюхе-Ольгинский отряды) не могли составить компактную массу для серьезного сопротивления.

Между селами Унаши, где стоял Тетюхе-Ольгинский отряд, и Екатериновкой лежит большой горный хребет и протекает река, разрывающая их на два самостоятельных участка. Место боя перенесли поэтому под д. Перятино, где были во всех отношениях выгодные позиции. Упоенные успехом партизаны с неудовольствием подчинились приказу об отступлении.

21 марта мы отошли в Перятино, а высадившийся десант, состоявший из морских стрелков и школы гардемаринов—„красы и гордости" владивостокской контрреволюции,—в числе 1500 человек занял Владимировку и соединился с гарнизоном, находившимся около полумесяца в окружении партизан.—Мы ожидали наступления. Однако колчаковцы, испытавшие Находкинский бой, не проявляли, несмотря на превосходство своих сил, особой решительности и пока не готовились итти против нас.

Так мы стояли друг против друга около двух недель, ограничиваясь лишь мелкими, хотя и частыми, стычками разведчиков.

Ночью 4 апреля прибежала к нам группа крестьян с сообщением, что деревня Унаши взята белыми и что противник предполагает собрать все местное население и „гнать" его впереди своих цепей, которые поутру будут наступать на Перятино.

Впрочем на деле слух об этом намерении белых не оправдался и видимо был пущен с провокационной целью. Мы немедленно стали развертываться в боевой порядок. Двухнедельная „передышка" дала нам возможность облюбовать самые выгодные позиции и обдумать все детали предстоящего боя.

В 8 часов утра наблюдатели условными знаками передали нам, что противник выступил из села Унаши и правильной походной колонной со всей системой охранения медленно движется по дороге на Перятино. Численность его была около 2000 человек пехоты и конницы, до 8 пулеметов и 1 батарея.

Командирам, возглавлявшим отдельные участки нашей позиции, была послана команда: „по местам". Гуськом, по-партизански (партизаны всегда ходили гуськом), предчувствуя веселое дело, потянулись наши между домами по переулкам в разные стороны.

В это время с тыловой заставы передали сведения, что прибыла американская делегация в составе двух офи-

церов с четырьмя солдатами и просит разрешения повидаться с „господами“ Ильюховым и Тетериным. Американцы прибыли для переговоров относительно доставки нам обмундирования. В этот период они основательно заигрывали с нами, видимо не теряя уверенности, что можно будет сагитировать партизан, составить из них свою группировку впротивовес атаманам—ставленникам японской интервенции.

Мы приняли несвоевременно появившихся гостей, хотя и без подобающего гостеприимства, но вежливо. Извинившись, что по „об'ективным“ причинам не можем уделить времени на переговоры, мы предложили им остаться в наших рядах до тех пор, пока кончится бой, после чего можно будет начать беседу.

Янки, всегда падкие на острые ощущения, с радостью согласились воспользоваться интересным случаем увидеть партизан в бою и засели на крыше школы, самого высокого здания в деревне, откуда могли обозревать бой во всей его совокупности.

Колчаковцы двигались очень медленно, видимо опасаясь натолкнуться на засаду: за полтора часа они прошли всего километров пять и находились еще в $3^1/_2$ *км* от нас. Однако решающий час приближался.

Часов в 10 утра прибежал с противоположной стороны реки Сучан партизан и сообщил, что из Владивостока прибыл груз „от партии“. Этот груз из бухты Золотой Рог был отправлен на китайской шаланде до села Душкино и оттуда на подводах доставлен в Перятино. В „посылке“, тотчас переправленной через реку. оказалось несколько тысяч патронов, 300 гранат, несколько наганов, масса пороху и капсюлей для наших „патронных мастерских“.

В Находкинском бою за три дня пришлось истребить большую часть патронов, и пополнение их было встречено с большой радостью.

„Спасибо партии“,—слышались по цепи голоса партизан.

„Партия“ (речь идет о коммунистах) всегда оставалась для партизана последней апелляционной инстанцией в сомнительных и спорных вопросах, она же и выручала в трудные минуты. Партизаны потому так хорошо относились к ней, что были органически связаны с работой партии.

Только мы успели разобрать по рукам патроны и гранаты, как колчаковские цепи приблизились на расстояние не более тысячи шагов.

В 11 часов утра начался бой. Картина его сразу приняла неблагоприятный для противника характер.

Чтобы напасть на нас врасплох, колчаковцы, не дойдя 3 *км* до Перятина, выслали по хребту, лежащему с восточной стороны деревни, свой отряд человек в 150—200. Они имели намерение обойти нас с левого фланга в тыл и в решительную минуту, когда мы будем увлечены их передо-

выми цепями, ударить внезапно нам в спину. Однако такой маневр нами был предусмотрен, и туда, на хребет, был выслан Тетюхе-Ольгинский отряд. Прежде всего стрельба началась в горах на этом хребте. Остальные цепи колчаковцев на расстоянии примерно 1 000 шагов залегли в ожидании результатов своей фланговой диверсии и стали окапываться.

Через полчаса стрельба на хребте прекратилась: тетюхинцы отбили колчаковцев, которые, оставив несколько трупов, бежали назад.

В это время по дороге, поднимая целые облака пыли, с гиком бросилась на нас кавалерия.

Подпустив ее поближе, цепь т. Тетерина (Петрова), командовавшего первым участком, дала один, затем второй, третий залп... Ошеломленные лошади стали на дыбы, у противника воцарилась паника. Некоторые кавалеристы стали соскакивать с коней и спешно устанавливать пулеметы. Еще один залп, частый ружейный огонь партизан — и кавалерия быстро поворачивает назад. Атака отбита.

Наступил небольшой перерыв, после которого противник развертывает все свои силы в одну цепь и начинает перебежку по всей линии. В это время тетюхинцы и ольгинцы были подтянуты поближе к нашему левому флангу с таким расчетом, чтобы оказать существенную поддержку в любой момент.

Заговорила и батарея колчаковцев. Завязалась самая отчаянная пальба. Когда колчаковская цепь подошла ближе, открыли огонь наши фланги, и противник попал под перекрестный огонь.

Перестрелка длилась около часа, и противник стал отступать. Мы отчетливо слышали нервный голос офицера, призывавший солдат к спокойствию и выдержке, чтобы не нарушался порядок отступления. Таким образом и третья лобовая атака нами отбита.

Дух партизанских войск еще больше поднялся. Там и сям слышно пение: „Смело, товарищи, в ногу“, выкрики „ура“, потом снова пение: „Сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки“...

Вскоре противник оправился и снова густыми цепями повел наступление. Пулеметы захлебывались, старательно строча по всему фронту. Драка началась самая упорная и видимо решающая. Ружейный огонь партизан стал настолько сильным и разительным, что колчаковцы по одному ползли на четвереньках.

Американцы, до сих пор сидевшие на крыше школьного здания, начали нервничать и, увлеченные партизанской страстностью, сами втянулись в события. Лейтенант, глава делегации, внимательно следил за маневрами колчаковцев и, желая нам „помочь“, посылал через своего сол-

дата каждые 10—15 минут записки с извещением о всякой перемене боя. Мы старались сделать вид, что сведения лейтенанта нам оказывают пользу, хотя на самом деле они ничего нового нам не давали и только отрывали напрасно внимание на деликатную болтовню с посланцами янки.

Под давлением нашего перекрестного огня колчаковцы приостановили продвижение вперед, залегли и начали окапываться. Бой продолжался невыгодно для нас: попадание стало минимальным—не видно было колчаковских стрелков, спрятавшихся в окопы.

Под вечер снова возобновилось наступление. Противнику удалось совсем близко подползти к деревне. Вот уже он захватил несколько домов на краю деревни. Партизаны стали занимать крыши и оттуда продолжать стрельбу. Они яростно защищали каждый шаг своей позиции, каждый дом, крестьянский двор.

Борьба наполовину перенеслась на улицу и дворы деревни. С наступлением темноты полил проливной дождь, и мы решили больше не расстреливать патронов. Цепи наши стали стягиваться к восточной части деревни, а затем отступили по тропе в деревню Новицкую в 5 *км* от Перятина.

Но тут новое приключение: мы изменили правилам дипломатической вежливости и традициям гостеприимства—ушли из Перятина, не предупредив об этом американскую делегацию, которая поэтому попала в плен к колчаковцам. В связи с этим начались интересные события, о которых будет сказано ниже.

Перятинский бой таким образом продолжался целых 10 часов без перерыва.

Мы вышли из него с 5 ранеными партизанами, двое из которых с опасными ранениями были взяты нашими „друзьями"—американцами в их госпиталь.

Потери колчаковцев трудно было установить точно. Две сотни трупов белогвардейцев оставлено наверняка в Перятинском и Находкинском боях.

Партизаны отступили от Перятина, как отступили и от Находки. Внешне, и только внешне, белогвардейцы остались победителями. Но не было никакого сомнения не только для нас, но и для противника, что за нами оставалась громадная моральная победа. В самом деле: держать на рейде 10 хорошо вооруженных морских судов, препятствуя в течение такого продолжительного времени высадке десанта, оказывать в течение 10 часов отчаянное сопротивление продвижению двух слишком тысяч профессиональных вояк, снабженных 8 пулеметами, батареей и неограниченным запасом патронов и снарядов, противостоять „цвету" белой армии—частям гардемаринов, будущих морских офицеров—проделать все это—огромное достижение

для сравнительно небольшого отряда партизан, которые „сами набивают патроны“ и обучаются военному делу в процессе жестоких боев.

Неудивительно, что после описанных боев настроение крестьянства и рабочих значительно поднялось. Партизаны сделались предметом всеобщего внимания: одни радовались росту их силы, другие со скрежетом зубовным их проклинали.

В деревню Новицкую мы вошли усталые и голодные в дождливую весеннюю ночь. В центре деревни встретил нас кавалерийский раз'езд американских солдат, которые на ломаном русском языке заявили, что американский лейтенант просит „комендант Ильюхов и Петров“ остановиться на квартире, где „сидят американский офицер“.

Предложение, как и самое пребывание американцев в Новицкой, нам показалось подозрительным и заинтриговало нас.

Быстро разместив партизан по квартирам и выставив охранение, приглашенные „комендanты“ отправились в избу, где прежде всего их накормили до-отвала всякими с точки зрения партизанской кулинарии изысканными яствами. Затем американцы, выражая восхищение поведением партизан в бою, высказали огорчение, что до сих пор ничего не знают о судьбе своей делегации, и попросили нас рассказать о них, что мы знали.

Оказалось, что в период боя янки пережили немало. Как только стали доноситься до Сучанских рудников звуки стрельбы, полк. Пендельтон (начальник гарнизона) решил, что его делегация может попасть в опасное положение, и выслал стоящий теперь в Новицкой отряд для спасения своих посланцев. Этот отряд, прибыв в Новицкую, немедленно послал в Перятино парламентеров с белыми флагами, которые прибыли туда в момент оставления его партизанами. Они были обстреляны колчаковцами и один офицер ранен в руку. Обозленные и встревоженные судьбой своей делегации, парламентеры поспешили вернуться обратно. Тут же показали письмо от офицеров, захваченных в плен, в котором те сообщали, что колчаковцы об'явили их шпионами и к утру, если они не реабилитируют себя, намерены их расстрелять.

Растерявшись от такого оборота дела, полк. Пендельтон через своих посланцев просил нашего совета, как ему следует поступить, чтобы освободить пленников.

Ситуация сложилась для нас выгодная. Без долгих разговоров мы сообщили полк. Пендельтону, что по нашему мнению единственным путем для освобождения пленных офицеров является наше совместное с американцами немедленное наступление на белогвардейцев. Через 2 часа был получен ответ, в котором Пендельтон благодарил за „разумный совет“ и сообщал, что он выслал в Новицкую

свой отряд, который должен соединиться с нами и поступить в распоряжение „коменданта Ильюхова" для совместного с партизанами наступления на Перятино. На рассвете прибыл к нам ад'ютант этого отряда для связи. Мы терпеливо ждем „подкрепления". Однако проходит час, два, а отряда все нет. И мы и американцы, сидящие с нами в избе, начинаем нервничать и теряться в догадках. Вдруг влетают прискакавшие на взмыленных лошадях 5 конных американских солдат и с видимой досадой сообщают, что их отряд с артиллерией завяз в болоте и просит партизан помочь ему выбраться.

В такой версии мы усомнились и решили уклониться от помощи. Всем партизанским отрядам был дан приказ выступить из деревни и занять боевые позиции, чтобы одним начать наступление на Перятино. Американцы долго убеждали нас отказаться от этих планов и подождать прибытия их отряда. Мы с ними не соглашались. В это время из Перятина прибыла освободившаяся из колчаковского плена американская делегация, и полк. Пендельтон отозвал свой отряд на Сучанские рудники.

После мы проверили достоверность сведений о злоключениях американского отряда и выяснили, что янки отправились в поход с целой кавалькадой обозов, походными кухнями, лазаретом и пр., и вся эта тяжеловесная махина сбилась ночью с дороги и попала в болото, где и завязла. Мы пожалели, что были излишне осторожны: нужно было помочь отряду выбраться из болота и столкнуть его лбом с колчаковцами.

Итак мы решили наступать на Перятино одни. Часов в 8 утра наши силы двинулись вперед по горным тропам, но бою не суждено было разыграться: колчаковцы поспешили сняться и без сопротивления оставили Перятино, а затем и Унаши. В Перятине белые подожгли восемь домов, с крыш которых накануне партизаны оказывали наиболее сильное сопротивление. В бессильной злобе против партизан они начали расправляться с мирными крестьянами.

В деревне и по пути отступления белых партизаны находили разбросанные пачки патронов (это тайно от офицеров оставляли подарок солдаты, сочувствовавшие партизанам).

Мы продолжали преследовать белых, наконец они покидают Владимировку и спешат к бухте Находка, где их ожидает „эскадра". Там „доблестные войска", отведавшие партизанских пуль, спешно грузятся на суда и под нашим обстрелом отплывают в море, а потом во Владивосток.

Весь Сучан, все южное Приморье теперь были очищены от белогвардейцев.

ТАМАРА ГОЛОВНИНА

По крейсеру из берданки

Долина реки Сучана бурлит партизанским движением. Забойщик рудника, портовый рабочий, железнодорожник Владивостокского узла, клепальщик временных мастерских пришли сюда и, влившись в крестьянские ряды, внесли стойкость и пролетарскую струю в отряды партизан.

Партизанский штаб, преодолевая „самостийность" отдельных отрядов, сколачивал единую боевую единицу — партизанский отряд долины Сучана.

В низовьях реки в селе Владимиро-Александровске зарылся на „сопке спасения" батальон подполковника Рубец, высадившийся под защитой японского крейсера.

Надо было поднять восстание в соседних районах. Штаб связался уже с Анучинской, Ивановской волостями и выделил агитаторов-организаторов в Душкинский район.

Мы семеро направились через сопки в Ново-Литовск. Наше первое боевое крещение должно было произойти в корейской деревне Таудеми.

Брало сомнение: сумеем ли мы разбить недоверие корейского крестьянина к нам, как к русским. Ведь корейский бедняк, арендуя землю зажиточной части русского крестьянства, эксплоатировался последней, платя натурой и деньгами, и „с печки, и „с окна", и „с десятины".

В Таудеми пришли к полудню и, пообедав чумизой с фасолью „чимчи-ри" и яйцами, пошли на сход.

В большой фанзе народу до-отказа. Сидят на „кане" старики с длинными трубками за воротом и в черных высоких шляпах, стоят на полу „хозяева", а в дверях и на дворе—молодежь в национальных костюмах и с черной ленточкой вокруг головы.

Открываем собрание и через переводчика говорим, за что борется партизанский отряд и почему так необходимо поднять к оружию все трудовое Приморье на борьбу с белогвардейщиной.

Карательные отряды офицерья уже прошли по деревням. У всех еще живо стоит в памяти картина девяти трупов стариков села Гордеевки с искаженными лицами от пытки за то, что их сыновья не пошли в войска „верховного правителя". Помнят разгромленную общественную лавку села Перетино и облитое керосином зерно в амбарах. Хорошо

знают и крестьян, которые еле выжили от порки шомполами. Но все это было только началом „спасения народа от большевиков". Впереди надо было ждать худшего.

Говорили на сходе горячо, но переводчик переводил с еще большим энтузиазмом и расширял наши речи раза в два.

Выступавшие корейцы отвечали, что они знают о том, что советская власть уравняет их права и не надо будет платить кабальную аренду за землю и что они поддержат отряд. В доказательство этого сход постановил отдать имеющиеся в поселке оружие, патроны и призывал молодежь вступать в отряд. Сход прошел с большим под'емом и затянулся до поздней поры. Когда вышли из фанзы, все было облито белым светом луны, за поселком тишина разбивалась шумом горной речушки, с сопки глядел темный лес, а в душе была радость.

На другой день вышли уже с новыми вооруженными товарищами—с группой человек в 25.

Итак ядро отряда заложено. Оно включило в себя тех, кто еще так недавно рассматривал русских как недругов; теперь же нас об'единила одна задача — борьба против классового врага. В последствии из партизан различных корейских поселков был составлен отдельный корейский отряд, бившийся под общим руководством штаба.

Из Таудеми двинулись в бедняцкую деревню Кирилловку. Еще с утра нарочный известил, что деревня полным сходом ожидает нас. Но удалось попасть туда только к закату солнца. Входили в Кирилловку с песней, в строю и с красными флажками на ружьях.

Сход в течение целого дня почти не расходился, и мы сейчас же открыли собрание.

Что говорили мы, тогда еще молодые, не нюхавшие боевого пороха и не знавшие азов политграмоты, я точно не помню. Помню только, что жгучи были речи, горело все: и слова, и глаза у собравшихся на сход, и красные флажки у берданок.

Выступали кирилловцы с удивительным жаром и единодушием. Когда местный учитель попробовал сдержать порыв и начал доказывать бессмысленность самой идеи сопротивления белым, за спинами которых торчат жерла пушек с дредноутов интервентов, кирилловцы дали ему такой отпор, что он сейчас же скрылся с собрания.

В конце схода выступили и женщины. Смысл их речей сводился к тому, что если их „хлопцы" пойдут в партизаны, то и они не отстанут, а все, что заготовлено и вышито в долгие вечера „посиделок", отдадут они в отряд на белье и портянки.

Еще не закончился сход, еще не голосовали постановления, а на столе уже появились патроны, подсумки, ремни, винтовки, берданки и куски холстины.

Рядом в классе (собрание происходило в школе) собирали ужин всему отряду и несли из каждой хаты „вечерять“ партизанам.

Утром с вновь записавшимися добровольцами выходили из деревни, а кирилловцы провожали нас тепло с пожеланиями до самой поскотины.

Штаб нашего молодого отряда обосновался в Ново-Литовске и отсюда были посланы товарищи для раз'яснительной работы и пополнения отряда в окружающие деревни. В то же время старые фронтовики вели военное обучение приходившей молодежи.

Ново-Литовск—„крепкое“ село; крестьяне сдержаны, в иных зажиточных хатах враждебно встречают наших партизан, отказываются кормить их. Надо опасаться предательства. Расставляем посты и дозоры. Между тем отряд растет с каждым днем. Из соседних деревень приходят добровольцы, крестьяне везут продовольствие, боевое снаряжение, оружие и холст.

Деревни помогали и деньгами: Душкино и Логанешто постановили передать партизанам общественные деньги.

Вот с оружием было слабовато. Против орудий и пулеметов белых мы выставляли только берданки и нашу решимость.

В отряд притекала главным образом молодежь. Оттого и дерзновения было много. Помню эпизод: на берегу у молдаванской деревушки выставлен наблюдательный пост. В помещение поста вбегает дежурный дозорный и докладывает начальнику:

— Товарищ Проноза, неприятель появился!

Выбегают на пригорок, бинокль к глазам. Вдали, разрезая волны залива, движется серый корпус японского крейсера.

Разгорелось сердце партизана: неужели допустить опять обстреливать берег, допустить, когда налицо своя вооруженная сила? Нет, невозможно! И партизан метнулся к командиру:

— Товарищ Проноза, разреши — я вдарю!

— Это по крейсеру-то из берданки!?

Товарищ Проноза не разрешил.

Л. КАРПОВ

Накануне

Записки подпольщика

Приближается новый 1920 год. Владивосток захлестывают тайфуны и мокрые океанские ветры. По осклизлым каменным улицам города бренчат трамваи, проносятся автомобили, на которых развиваются флажки японских, американских, английских, французских, чешских и прочих интервентов.

Город стал средоточием экспедиционных сил международного империализма, и это чувствуется на каждом шагу.

Бандами бродят полупьяные иностранные офицеры и матросы военных кораблей, стоящих в бухте Золотой Рог. Время от времени по мостовой проходят патрулирующие японские, чешские либо американские отряды.

В чаду торопливых пьяных оргий братаются „рыцари" цивилизованных государств Запада, Нового света и страны Восходящего солнца. Рестораны, кафе-шантаны и специально созданные кварталы притонов разврата охвачены какой-то судорожной и бредовой жизнью. Здесь завоеватели чувствуют себя полными хозяевами, стараясь стряхнуть с себя напряжение повседневной борьбы с вездесущим и неуловимым красным призраком.

Этот город роскоши и разврата иностранной интервенции и отечественной реакции, дипломатических интриг и контрразведок, лихорадочно поспешных наслаждений и казней в застенках, этот город, вернее центр Владивостока, где расположены театры, лучшие магазины, иностранные торговые конторы, банки, дипломатические миссии, штабы экспедиционных войск, — весь этот город стал чужим, неузнаваемым, отталкивающе враждебным.

Но Владивосток, в недавнем прошлом—мощная крепость российского империализма на Дальнем Востоке, издавна, еще с 1905 г., рос и мужал в революционных схватках.

У Владивостока славное революционное прошлое. Владивостокский пролетариат с момента чешского восстания 1918 г. не знал спокойных дней.

История его борьбы — стачки в городе, партизанская борьба в сопках, пулеметная стрельба, расстрелы, пытки.

Пролетарский Владивосток был схвачен костлявой рукой голода и нищеты. И все-таки этот Владивосток не сдался. Уйдя в подполье, он хранил в себе потенциальные

силы революции. С большевистским упорством изо дня в день, при каждом удобном случае он напоминал вооруженным до зубов врагам о своем существовании.

В воздухе повисла зловещая настороженность. Город интервентов и реакции превращался в вулкан, подземные толчки которого способны были свести с ума контрразведчиков и офицеров генеральных штабов. Возникали новые кровопролития, и еще более исступленно гремел „пир во время чумы".

Летом 1919 г. — массовые стачки. Ноябрь взорвался знаменитым бунтом чешского карьериста генерала Гайды. А в декабре опять неспокойно: в сопках становятся активными партизанские летучки; в рабочих поселках, заброшенных в Голубиную падь, на Первую речку, в Гнилой угол, все больше нарастают недовольство и революционное брожение, являющиеся откликом на события в далекой Сибири, где завязался решительный бой с дрогнувшей колчаковщиной.

Интервенты это чувствуют, знают. У них возникает мысль—овладеть местным рабочим движением, прибрать к рукам руководителей нелегальных профсоюзов и, если потребуется, подкупить их.

Делается ставка на эсеров и меньшевиков. Издающаяся продажная и насквозь лживая эсеровская газета „Воля" наводняется погромными статьями против „безрассудства" рабочих, слепо доверяющихся коммунистам и их „агентам". Эсеры и здесь, на Дальнем Востоке, в условиях ими же призванной интервенции, продолжают свою словесную жвачку о необходимости созыва учредилки и передачи власти „всему народу". Эти продажные медоустые пророки „народоправства" обмануть никого не могут. Рабочие отвертываются от социал-предателей.

Но время не терпит.

На смену обанкротившимся политическим авантюристам выступает...японский штаб экспедиционных войск.

Случилось это так.

Однажды, за неделю до нового года, к портовой столовке артели грузчиков под'езжает элегантный черный автомобиль. Из автомобиля выходит плотный, среднего роста японец, одетый в шубу с бобровым воротником и в котиковой шапке. Сверкнув стеклами золотых очков в сторону стоявших недалеко грузчиков, этот японец быстро направляется к ним и обращается с вопросом на чистом русском языке:

— Могу ли я видеть здесь кого-нибудь из членов Центрального бюро профсоюзов?

Грузчики замялись, переглядываются, никто ничего не отвечает. Тогда из группы выходит один грузчик и заявляет:

— Я — член секретариата Центрального бюро.

— Ах, очень, очень приятно...

На лице японца—самая сладкая, почти обворожительная улыбка. Он протягивает свою холеную руку удивленному грузчику:

— Я — консул Ватанабе. У меня к вам большая просьба. Мне нужно на этих днях сделать вашему Центральному бюро официальное предложение от генерала Ои. Скажите, когда и где я могу встретиться с вашими товарищами?

Грузчик нисколько не растерялся и тут же деловым образом договорился с консулом о предстоящей встрече.

Были назначены день, час и место встречи (на Ботанической улице, на одной из полулегальных квартир при типографии „Прогресс").

В ожидании столь необычайного гостя были приняты необходимые меры предосторожности. На совещание секретариата явились тт. Савельев, В. Петров, я и еще кто-то.

Ватанабе прибыл на том же черном автомобиле в точно назначенное время.

Открылось летучее совещание, на котором сошлись лицом к лицу люди диаметрально противоположных и враждебных полюсов: руководители загнанного в подполье профсоюзного движения и представитель молодого хищного и коварного империализма островной империи.

Изысканные манеры и самая речь Ватанабе были такими, как будто он выступал не на рабочем совещании, а на каком-то дипломатическом банкете.

Ватанабе говорил:

— Командующий японскими экспедиционным и войсками генерал Ои уполномочил меня передать вам следующее. Японский штаб на этих днях устраивает большой банкет, на который приглашены представители русской армии, торгово-промышленных кругов и трудового крестьянства. Генерал Ои просил меня сделать вам, как представителям рабочих, особое приглашение на этот банкет. Мы болеем душой, что ваша родина страдает от междоусобицы и непорядков. Поэтому генерал Ои хотел бы видеть на этом банкете представителей всех сословий.

Консула кто-то весьма непочтительно и по-рабочему просто обрывает:

— А кто это у вас будут представители трудового крестьянства?

— Вождь Союза трудового крестьянства господин Зырюнов.

По лицам членов секретариата ЦБ пробежала открытая усмешка.

— Какой же это вождь крестьянства! Зырюнов—самарский помещик и известный провокатор, — отвечает Петров,—я его очень хорошо знаю.

Ватанабе однако нисколько не смутился.

— Ну что вы! Он очень честный патриот. Я его уважаю.

— Да, но с такими людьми, которые являются нашими заклятыми врагами, мы не можем быть за одним столом на вашем банкете. Кроме того ваши японские войска здесь учиняют насилия, грабежи и расстрелы наших рабочих и крестьян. Вы покровительствуете атаманским бандам и всяким авантюристам и мешаете нам уничтожить этих врагов народа. На банкет к генералу Ои мы не придем. Причина теперь вам известна, передайте ее в точности командующему вашими войсками.

Ватанабе кажется теряет свое спокойствие и артистическую находчивость. Он уже не выражается высокопарно и торжественно, а едва лепечет, стараясь найти хоть какой-нибудь компромисс.

— Я с вами не согласен. Я уеду от вас, а вы все-таки обсудите здраво наше предложение и завтра же о своем решении сообщите генералу Ои.

— Хорошо, мы обсудим и дадим ответ,—энергично, властно и коротко заявляет т. Соловьев.

Ватанабе уехал.

На следующий день—бурное заседание расширенного секретариата ЦБ. На повестке дня—ответ генералу Ои на его приглашение.

Рабочие заводов, портовые грузчики и все остальные единодушно и с негодованием отвергли приглашение Ои.

Представители рабочих комитетов тут же в прениях рассказали о другой вылазке японского штаба, цель которой сводилась к тому же: отколоть часть рабочих от революции, приблизить их к себе, путать их сетями своего влияния.

Вылазка эта заключалась в следующем. На заводы, в мастерские, на мельницы, электростанции и в другие предприятия Владивостока японский штаб разослал огромное количество поздравительных новогодних карточек, отпечатанных на прекрасном бристоле с золотым обрезом.

В этих карточках интервенты, прикинувшись любвеобильными филантропами и лицемерно поздравляя с наступающим новым годом, писали о том, что японский штаб „жалеет голодных и бедных рабочих“ и приглашает их в день нового года зайти по указанному адресу за скромным праздничным подарком, состоящим из муки, сахара и прочего.

Классовая бдительность рабочих оказалась настолько высокой, что они тут же по своей инициативе собирают по цехам и мастерским разбросанные „новогодние поздравления“ и с торжествующим хохотом сжигают их, приговаривая:

— Эх, сюда бы, в огонь, этого ахламона, который придумал подкупить нас, рабочих!..

Возбуждение против этой наглой попытки японцев охватило буквально всех рабочих. Делегаты требовали вынесения энергичного и резкого протеста.

Все это вместе взятое—события в Сибири, „дипломатический визит", „новогодние подарки" — диктовало необходимость массового политического выступления, чтобы этим самым можно было выразить волю рабочих и подкрепить декларацию Центрального бюро, поставленную на обсуждение этого же собрания коммунистической фракцией.

Заигрывания интервентов с рабочими организациями были неслучайны. Японцы лучше, чем кто-нибудь другой, чувствовали на собственной шкуре учащающиеся внезапные удары партизанских отрядов. И японцам же понятно было, лучше всего известно усиливающееся движение в массах передовых рабочих, сколачивавших в глубоком тылу сибирской реакции местные боевые организации для развернутого классового наступления под популярнейшими лозунгами большевизма и советской власти, под лозунгами воссоединения Дальневосточного края с Советской Россией.

Бороться с неуловимым красным призраком интервенты были бессильны. Они не знали местных условий и не учитывали того, что кровавое вторжение иностранных армий способно вызвать длительную и самую ожесточенную революционно-освободительную борьбу.

Центральное бюро профсоюзов вместо ответа генералу Ои приняло смелую, бичующую интервентов и белобандитских заправил декларацию.

Декларация говорила об обреченности белой авантюры в Сибири на провал, о бессмысленно жестоких и чудовищных преступлениях империалистических разбойников, производящих под флагом борьбы с коммунизмом грабеж и раздел страны на „сферы влияния".

Заканчивалась декларация решением об'явить на 3 января 1920 г. всеобщую односуточную забастовку протеста против зверств реакции и произвола интервентов.

На другой же день принятая ЦБ декларация была послана генералу Ои и всем фабрично-заводским организациям. Первому—как открытый вызов на борьбу, другим—для превращения декларации в действенный документ революционных масс.

Этот смелый и решительный вызов профсоюзов интервентам прозвучал как звонкая, оглушающая пощечина.

Аристократический Владивосток притих. На улицах заметно спало движение. В воздухе повисли настороженность и смутное ожидание грозных событий...

По городу днем и ночью проходят, озираясь по сторонам, военные патрули, бешено проносятся автомобили штабов и контрразведок.

Обыватель прячется в свою скорлупу.

Об'явление забастовки обсуждается на всех крупных и мелких предприятиях.

Забастовка начинается ровно в шесть часов утра 3 января.

Стачечный комитет, ежедневно меняя свою нелегальную штаб-квартиру, бодрствует трое суток. По городу, сбиваясь с ног в поисках стачкома, рыщут шпики, раз'езды.

В момент об'явления забастовки члены стачкома находились в товарной конторе складов Союза приамурских кооперативов. Связь с бастующими предприятиями поддерживалась всю ночь.

Последняя ночь напряженного томительного ожидания, — нужно, чтобы забастовка прошла дисциплинированно, впечатляюще, дружно. Для профсоюзов, для революции — это дело чести.

И вот — шесть утра. Ровно шесть.

Момент—и потухло электричество.

— Ура! — не вытерпел кто-то.—Электричка выключила ток и включилась в забастовку!

Этот первый крупный успех ободрил всех нас, членов стачкома. Отправляемся на новую дневную штаб-квартиру.

На этот раз стачком помещается в самом центре фешенебельного Владивостока. Наша квартира—на стройке незаконченных верхних этажей владивостокской конторы Центросоюза. Контора последнего помещалась в нижних этажах, имеющих общую лестницу вверх. И здесь наш стачком, почти рядом с раз'яренной розановской контрразведкой, чувствовал себя совсем неплохо. Сюда стягивались все нити Владивостока, выражающего свой революционный протест против реакции и интервенции. Сюда шли все новые и новые сводки, характеризующие широкий и организованный размах всеобщего протеста — стачки.

В девять утра картина забастовки представлялась в таком виде.

Город замер. Заводы не работают. В порту, где стоят океанские пароходы, — угрожающая тишина.

Трамваи не вышли. На бирже ни одного извозчика. Исчезли за редким исключением почти все автомобили.

Закрыты магазины, лавки, банки, конторы.

На Семеновском базаре, где торговля целиком находилась в руках китайцев, появились наши агитаторы. В несколько минут зажигательные слова агитаторов были переведены на китайский язык и стремительно, как электрический ток, пробегают по всему рынку.

— Руська людя торгуй нету. Наша тоже машинка нет, моя японза не хочу...

Хлопанье закрываемых палаток и лавочек. Растерянность среди покупателей.

Всеобщий рыночный галдеж перерастает в политический митинг.

Вслед за предприятиями прекращается работа во всех учреждениях города: на почте, телеграфе, в кооперации, и даже в суде.

Служащие правительственных и общественных учреждений и организаций пришли с тем, чтобы, собравшись, демонстративно покинуть работу.

Неожиданно забастовка проникает в гаражи розановского штаба и контрразведки, перебрасывается стихийно в коммерческие предприятия интервентов, охватывает дворников, домашних работниц, поваров и официантов кафе и ресторанов.

Боевое настроение бастующих было твердым и непоколебимым. Односуточная забастовка протеста превратилась в грандиозный революционный порыв, который увлекал людей всех профессий.

В Союзе христианской молодежи, субсидируемом американцами, забастовали рабочие и служащие.

Разгневанные апостолы американизированного христианства вопрошали бастующих:

— Вы бастуете против интервенции? Значит вы против нас?

Осмелевшие рабочие раз'ясняют простым, но достаточно веским языком:

— Ваш союз — американский. А американцы — те же интервенты, поэтому мы бастуем и против вас, чтобы вас скорее не было здесь.

В конце дня стачком все еще получает сводки о новых и новых победах всеобщей забастовки протеста.

На Русском острове, где сосредоточены основные силы розановских войск (инструкторская школа, пехота, инженерные части), забастовали артиллерийские мастерские и электрические станции. Кипучая и шумная жизнь в порту приостановилась целиком. Морское сообщение Владивостока с крепостными районами оборвалось.

Стала Уссурийская железная дорога.

К забастовке примкнули даже портные, сапожники парикмахеры.

Вечер. Город погружен в зловещую темноту. И не только город, но и все крепостные районы, где за время существования крепости еще ни разу не потухал свет и не ослаблялась ни на один час бдительность военных фортов.

Забастовка сломала суровые военные законы. Пролетариат Владивостока, грозно сложив руки, стал доподлинным хозяином всей жизни города-крепости.

Едва ли нужно говорить о том ошеломляющем впечатлении, которое произвела на интервентов эта мощная массовая демонстрация рабочего класса Владивостока, увлекшего за

собой служащих и даже мелкую буржуазию и кустарей-одиночек.

Демонстрация протеста с потрясающей убедительностью показала, что масса трудящихся Владивостока не считает себя побежденной и приниженной. Выброшенный забастовкой лозунг „Долой реакцию! Долой интервенцию!“ прозвучал как грозное предостережение врагам революции и советов.

Надо было видеть в этот день мечущихся розановских ищеек и растерявшихся господ офицеров. Они утверждали, что, борясь с большевиками, ведут за собой весь „русский народ“. И что же оказалось? Забастовщики дерзко насмеялись над этой кучкой паразитирующих авантюристов и показали, за кем идет народ. Зарвавшиеся авантюристы чувствовали себя перед интервентами как побитые собаки.

Да иначе и не могло быть.

3 января было днем репетиции, свидетельствовавшей о стремительном нарастании революционной борьбы. Рабочие Владивостока в этот день вызывающе смело перекликались с борющимися в сопках партизанами и с победоносными частями Красной армии, под ударами которой рушился сибирский фронт.

31 января вспыхнула новая, еще более грандиозная забастовка. В этот день восставшие рабочие вышли на улицу с оружием в руках. Восстание охватило весь край.

Кровавая реакция была свергнута на глазах изумленных и растерявшихся интервентов.

Л. КАРПОВ

Переворот

События развивались с неумолимой логической последовательностью.

Сибирь превратилась в сплошной фронт. Разложение армий Колчака, стремительное наступление Красной армии, восстания в тылу, внезапные появления партизанских отрядов там, где их никто из белых генералов никогда не ждал, паника и растерянность среди белых интервентов—все это говорило о том, что наступил последний акт кровавой драмы.

В Иркутске завязывается последний узел. Здесь скопляются чехо-словаки, сотни эшелонов беженцев, транспорты с золотóм и оружием, поезда с членами правительства Колчака. Сюда же держат путь дезорганизованные и обезумевшие белые банды вешателей и рубак, пытающиеся уйти за Байкал, только бы спастись от преследующей их Красной армии.

— На Дальний! К Семенову! В Китай! К японцам! Хоть к чорту, лишь бы спасти свою шкуру!

Но призрак коммунизма настигает беглецов всюду. Восстания вспыхивают в войсках, в городах, в тайге, на железнодорожных станциях, всюду на путях своего отступления.

Дальний Восток. Здесь—главные силы интервенции. Белые держатся здесь уверенней: они знают, что интервенты не позволят разгромить их базу.

В Чите — столице семеновских застенков, продажных русских генералов и японской военщины—возникает даже организационный комитет „Воссоздания родины". Этот комитет выпускает второпях истерические воззвания, призывая „русских людей" ополчиться и встать на защиту отечества и отдать для спасения его „имущество, живые силы и жизнь".

В воззваниях—громкие слова:

„Вперед за родину-мать!"

„С верой в бога ты победишь, и снова Русь будет великодержавной, могучей и страшной для врагов".

Но в этих надрывных криках уже тогда слышались нотки предчувствия своей скорой гибели, неизбежной „разлуки" с родиной, отчаяния утопающего и раздражения

Были использованы все средства—расстрелы, угрозы, пытки, растрачены все слова.

Разгром колчаковщины в Сибири становится сигналом для массового революционного движения на Дальнем Востоке.

Приморье откликается первым. К Владивостоку стягиваются партизанские отряды. В самом городе идет напряженная подпольная работа по организации восстания рабочих.

Создается центр военнореволюционных организаций—об'единенный оперативный штаб, во главе которого становится Сергей Лазо.

Пролетариат Владивостока еще 3 января 1920 г., в день всеобщей стачки протеста, показал свою волю к победе. Но оружие было в руках белой армии, которая в решительный момент могла оказаться сильнее безоружной рабочей массы. Кроме того Владивосток был крепостью. На фортах этой крепости белые могли бы держаться даже тогда, когда город окажется в руках восставших рабочих. Больше того: достаточно было небольших, но хорошо вооруженных и дисциплинированных сил противника, чтобы закрыть доступ в город для партизанских отрядов и превратить рабочие районы в мышеловку.

Владивосток являлся не только средоточием крупных военных частей. Здесь была известная инструкторская школа, где муштровался по английскому образцу низший комсостав для белых армий. Здесь же находились гардемарины, юнкера и значительная масса офицерства. Этих сил было достаточно, чтобы белые могли расправиться с восставшими рабочими без участия интервентов.

Это соотношение сил говорило о необходимости применения такого плана, таких методов и такой тактики восстания, которые могли бы радикально изменить ситуацию в пользу революции.

Сергей Лазо обладал крупнейшим военным талантом. Он четко и совершенно ясно представлял себе картину восстания.

Враг был силен. У него были прекрасное вооружение, десятки тысяч хорошо обученных солдат и командующие позиции, из которых выбить его было чрезвычайно трудно.

Но врага нужно было сломить во что бы то ни стало и в кратчайший срок. Врага нужно было изолировать от его армии, вырвать у него всякую почву для отражения удара и одновременно быстро и решительно овладеть аппаратом управления крепостью.

Несомненно это был наиболее трудный и в то же время наиболее рискованный путь. Но других путей не было. Нужно было на ходу учиться искусству восстания и проводить огромную агитационную работу в массах, сколачи-

вая всюду боевые ячейки и охватывая своими щупальцами все крупные воинские единицы.

Едва ли нужно говорить об опасностях, которым подвергали себя наши агитаторы и организаторы, работая среди колчаковских солдат.

Основное внимание было обращено на Русский остров, где были главные силы белых. В короткое время удалось развернуть боеспособные ячейки в инструкторской школе и в расположенных там же инженерных частях. В находившихся на острове артиллерийских мастерских, на электрических станциях, в военном госпитале еще раньше существовали боевые рабочие ячейки. Таким образом Русский остров, представлявший в миниатюре Кронштадт, постепенно оказался под перекрестным влиянием двух нелегальных боевых организаций—рабочей и военной. Обе эти организации постепенно превратились в могучий источник разностороннего влияния подпольного ревштаба на весь гарнизон Русского острова.

Одновременно с работой среди русско-островского гарнизона стали укрепляться и шириться связи с другими военными частями крепости: с артиллерийским военным училищем, с флотским экипажем, пехотными полками.

К концу января 1920 г. в основном солдатская масса и ряд специальных частей колчаковской армии были распропагандированы настолько, что некоторые из них под влиянием анархистских демагогов стали проявлять нетерпение и рвались в бой.

Так в ночь на 25 января восстали солдаты отдельного егерского батальона. Батальонный егерский комитет арестовал всех своих офицеров и отказался признавать приказы диктатора Приморья генерала Розанова.

26 января егеря были окружены казаками и разоружены.

В это же время вспыхнуло восстание в Никольск-Уссурийске. В город вошли партизаны.

Повстанцы, будучи связанными с Владивостокским ревштабом, готовили последнему на случай восстания свою поддержку.

Но случилось так, что поддержка эта оказалась совершенно излишней.

Некоторые воинские части, вышедшие из подчинения Розанову и отдавшие себя в распоряжение ревштаба, были среди белого дня выведены из города и расположены на 55-й высоте. Так прошла церемониальным маршем по главной Светланской улице Владивостока 7-я рота 32-го полка, квартировавшая на пароходе „Печенга“. Эта часть выступила на 55-ю высоту под предлогом маневров с оружием, пулеметами и боевыми припасами. Розановское командование спохватилось только тогда, когда эта рота прошла Гнилой угол и выходила в сопки. Здесь ее догнал

эскадрон личной охраны атамана Калмыкова из дивизиона уссурийских казаков. Но боя не произошло: против казаков были выставлены пулеметы, и эскадрон ускакал обратно.

Кроме пехоты на 55-й высоте находилась также одна батарея артиллерийского училища. Сюда же стекались группами и в одиночном порядке скрывавшиеся подпольщики.

Восстание в Никольске, отказ от подчинения приказам Розанова его же собственных частей, восстание егерей, накопление повстанцев на 55-й высоте—все это создавало в городе среди приверженцев белых и интервентов чрезвычайно тревожное настроение, близкое к панике.

Интервенты оставались в роли наблюдателей и никаких мер не принимали, выжидая дальнейшего развития событий.

Розановский штаб терял голову.

За несколько дней до восстания Розанов созвал к себе всех офицеров гарнизона. На этом необычном совещании диктатор области к своему удивлению узнал, что большинство воинских частей охвачено большевистским влиянием и что полагаться на них никак нельзя.

Розанов был пьян, топал ногами, кричал на господ офицеров, обвинял их в бездеятельности и предательстве родины. Но офицерам грозила от повстанцев та же участь, что и ген. Розанову.

В результате этого беспорядочного и сумбурного собрания все же образовалась новая воинская часть—офицерский корпус самозащиты. Командование этим корпусом было возложено на одного подполковника, который поддерживал связь с нелегальными военными организациями и еще до этого собрания выразил свое добровольное согласие подчиняться приказам ревштаба.

Конечно на этот раз приказ ревштаба мог быть только один: попытаться не допустить организации офицерского корпуса или в крайнем случае в нужный момент парализовать его боевую деятельность.

Позднее оно так и случилось: офицерский корпус был дезорганизован в самом начале и как боевая единица во время переворота так и не выступил.

Организация восстания во Владивостоке требовала чрезвычайно умелого маневрирования частей, тонкого знания повстанческой стратегии и помимо всего прочего большого дипломатического такта.

Владивосток являлся головным штабом сибирской интервенции и основной материальной базой об'единенной военной экспедиции японцев, американцев, французов и англичан.

Однако среди „союзников" были известные противоречия и глухие трения. Особенно это сказывалось во взаимоотно-

шениях японцев и американцев. Японцы проводили почти открыто политику захвата Дальнего Востока.

В экономическом и стратегическом отношении расширение влияния Японии на Азиатском континенте создало бы для нее ряд чрезвычайных преимуществ и способствовало бы ее укреплению на мировых рынках.

Американцы все это учитывали и пристально следили за каждым шагом японцев. В противовес планам японцев американцы пропагандировали создание такого государства в Сибири и на Дальнем Востоке, которое могло бы использовать для своего процветания американские деньги с выгодой для тех, кто эти деньги даст.

Из этого вытекало, что при известных условиях можно будет использовать противоречия двух хищников и поставить их в такое положение, чтобы каждый из них бдительно следил за другим. „Дипломатия" ревштаба пошла именно по этому пути. Лазо придавал нейтрализации интервентов во время восстания огромное значение. Переговоры с интервентами велись через особых парламентеров. Сущность их заключалась в том, чтобы американцы, чехи и главным образом японцы в момент свержения Розанова отказались от всякого вмешательства во внутренние дела Приморья. Ревштаб со своей стороны гарантировал соблюдение революционными войсками строжайшей дисциплины.

Американцы и чехи дали свое согласие поддержать эти требования ревштаба.

Начались последние приготовления. Ревштаб, находясь на нелегальной рабочей квартире на Первой речке, беспрерывно, днем и ночью, поддерживал связь с воинскими частями. Сергей Лазо лично принимал делегатов, выслушивал рапорты новых командиров о состоянии частей, отдавал распоряжения о том, как им держаться, не выявляя себя и т. д.

Примерно с 29 января гарнизон крепости за исключением казаков, гардемарин и некоторых других частей формально числился колчаковской армией, а фактически действовал, подчиняясь приказам ревштаба. Такое исключительно ответственное и вместе с тем двойственное положение армии, которого не знала история, продолжалось до самого переворота.

Центральное бюро профсоюзов обратилось с призывом ко всем рабочим принять активнейшее участие в борьбе с реакцией.

На судостроительном заводе формировалась боевая рабочая дружина. Такая же работа проводилась среди грузчиков и портовых рабочих, которые создавали свои дружины. Но главная задача, которая стояла перед рабочими Владивостока, заключалась в об'явлении всеобщей стачки, которая парализовала бы на время жизнь города

и лишила бы контрреволюционеров возможностей передвигаться и держать между собой связь.

В последний момент выяснилось, что эсеры, кое-что знавшие о подготовке восстания, пытались „подставить ножку" ревштабу, заявляя, что большевики затеяли кровавую авантюру, что японцы большевизма не потерпят и подавят всякую попытку выйти с оружием в руках на улицу.

Однако это грязное лакейское самовыгораживание эсеров перед хозяевами и услужливое подсказывание японцам их поведения в момент восстания на этот раз не сыграли никакой роли: настолько пал авторитет социал-предателей. Больше того: ревштабу удалось добиться раскола эсеров и частично договориться с областной земской управой, в которую входили и эсеры, чтобы управа формально взяла на себя всю полноту гражданской власти, как этого требовали интервенты, и чтобы управа по этому поводу сделала свое предложение дипломатическому корпусу.

Вопрос о форме власти ревштаб занимал меньше всего. В этом вопросе ревштаб, опираясь на большевистски настроенную армию, шел на формальные уступки вплоть до того, что рекомендовал подчиненным ему повстанческим частям выносить резолюции о признании земства „своим" правительством.

Земство стояло между двух огней. С одной стороны были интервенты и реакция, которая душила на местах органы „самоуправления", а с другой—в лице ревштаба приходили к власти большевики, носители идей социализма и власти советов как органов пролетарской диктатуры.

Окончательно согласилось земство на принятие власти только под давлением воинских частей, которые требовали этого в самой категорической форме.

Организация восстания в этих условиях требовала большого искусства. Восстание это было похоже на труднейшую шахматную партию, победителем в которой выйдет тот, у кого окажется больше изобретательности, дальнозоркости и самообладания, у кого лучше, осмысленнее и стремительнее будет развернуто наступление.

Наступило 30 января.

До этого момента штаб состоял всего лишь из 3—5 человек (в него входили Лазо, Кушнарев, Карпов, Мамаев и др.). 30 января штаб назначает главнокомандующим революционными войсками Саковича и комендантом крепости Краковецкого. Среди членов ревштаба происходит перераспределение обязанностей. Начальником штаба избирается Лазо, секретарем Мамаев, печать и информация закрепляются за Карповым, Кушнарев ведает агитпропом. К повстанческим войскам прикрепляются представители штаба.

В ночь с 30 на 31 января было назначено выступление частей согласно врученным диспозициям, в которых была

четко формулирована боевая задача и даны точные сроки исполнения приказа.

Владивосток зловеще притих и замер. Ночь была особенно темной, чуткой и пугливой.

Эта ночь была нашей союзницей. Темнота укрывала наши тайные передвижения. Пугливая тишина обостряла бдительность и чуткость наших патрулей и разведки.

Ревштаб получил сведения, что партизанские отряды заняли Шкотово, захватили броневики и выступают на Владивосток.

С вечера в дипломатический корпус был отправлен меморандум, предупреждающий интервентов о занятии крепости революционными войсками и требующий высылки к определенным пунктам следования наших частей парламентеров дипломатического корпуса с особыми нарукавными знаками.

От имени ревштаба было выпущено обращение ко всем трудящимся, в котором давалась убийственная картина продажности розановского командования, озверения белых банд, общего расстройства и развала хозяйственной жизни в крае, обнищания рабочих масс, уничтожения и разорения крестьянских хозяйств.

Обращение заканчивалось призывом свергнуть ненавистную и презираемую массой кучку продавшихся генералов.

Далькрайком РКП(б) выпустил свое воззвание, в котором массы призывались к восстанию и сплочению своих рядов вокруг боевых знамен советов и Октябрьской революции.

Ночь пролетала стремительней, чем мчится курьерский поезд.

Наступало утро.

Приближалась развязка.

Напряженность и интенсивность живой связи ревштаба с частями спадает. Борьба перенесена в массы. Там решается вопрос—быть или не быть у власти продажной генеральской клике.

В этот момент на местах происходит следующее.

С 55-й высоты выступает сводный отряд с пулеметами и орудиями. В Гнилом углу часть отряда погружается в вагоны трамвая. Отряд входит в город почти без боя. К нему присоединяются рабочие дружины и матросы флотского экипажа.

В пути встречаются парламентеры интервентов и беспокойно мечущиеся японские дозоры. Но розановских войск не видно.

Небольшая стычка происходит недалеко от розановского дома. Личная охрана Розанова, состоявшая из преданных уссурийских казаков, открывает с сопок по повстанцам

огонь. Но достаточно одного орудийного выстрела и казаки обращаются в бегство.

Улицы заполняются рабочими. Движение отряда по Светланской улице превращается в сплошной людской поток. Рабочие дружины и матросы оцепляют гардемарин. Захватывается морской штаб.

Колонны двигаются к штабу крепости, оставляя за собой затаившиеся американский и японский штабы, усиленно укрепленные, охраняемые изнутри; снаружи не видно ни одного солдата.

Улицы заполняются все новыми и новыми потоками людей. Настроение улицы скорее праздничное, торжественное, чем боевое. В пути следования рабочие дружины вылавливают шпиков, арестовывают прячущихся генералов и офицеров.

В самом начале восстания розановское командование убедилось в том, что оно окончательно лишилось своей армии. Для того чтобы спастись от жестокого возмездия, головка розановского офицерства погрузилась на пароход и бежала еще раньше, чем повстанцы захватили порт.

Сам Розанов укрылся в японском штабе. Часам к 10 сводный отряд занял крепость и вокзал. Направляется отряд для освобождения из тюрьмы политических заключенных. Все важнейшие пункты, банки, штабы, телеграф, железная дорога—в руках повстанцев. В штаб крепости прибывают Сергей Лазо, Сакович, Краковецкий, члены ревштаба.

Площадь перед штабом заполняется массой народа. С Русского острова по льду с оркестром музыки приходит инструкторская школа во главе с новым выбранным комсоставом и солдатскими комитетами.

Труднейший переворот закончен без кровопролития. Город одевается в красные флаги. Но главное—впереди. Перед ревштабом на площади, где образовался многотысячный лагерь повстанцев, выступает Сергей Лазо. Он говорит ярко и зажигательно. Рассказывает о падении колчаковщины в Сибири. Разоблачает гнилое, развращенное и беспринципное розановское командование, которое перед переворотом стало разбазаривать японцам огромные запасы селитры и хлопка и предательски готовило закабаление всего Приморья.

Теперь реакция свергнута, но в крае остаются войска интервентов. Японцы готовят сепаратную оккупацию края, поэтому революционная армия должна быть на чеку.

Солдаты устраивают Лазо бурную овацию, обещают драться за воссоединение Дальнего Востока с Советской Россией.

Огромный энтузиазм в массах, заполнявших улицы, вызвал появление в городе партизанских отрядов. Партизаны представляли собой на фоне городской толпы исключитель-

ную и незабываемую картину. Герои тайги и сопок были одеты в овчинные нагольные полушубки, стянутые патронташами и завешенные походными сумками и гранатами. Обветренные, обожженные и давно небритые лица дышали суровостью беспримерной и жестокой таежной борьбы. И эти, отвыкшие от радостей жизни, угрюмые лица расплывались в счастливую улыбку. Они обнимались с рабочими, а потом, гремя котелками, летели на воздух, подбрасываемые сотнями рук.

Надо было видеть в этот день гримасы на аристократических физиономиях иностранных дипломатов, трусливо присматривавшихся из-за оконных занавесок к восторженному триумфальному шествию по фешенебельным улицам города того самого неуловимого и такого необычного по своей внешности красного призрака, которого они так боялись.

Открывалась новая страница истории героической борьбы за Дальний Восток.

КАБИНЕТ ИСТОРИИ
К. А.
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Оглавление.

	Стр.
П. Никифоров—Партия как организатор и вождь партизанского движения на Дальнем Востоке	3
Д. И. Бойко-Павлов—Хабаровское подполье	13
Г. Ф. Коваль—Партизаны Приамурья	21
Г. Шевченко—Из боевой партизанской жизни	29
М. Миронов—Красная гвардия на берегу Байкала	32
П. Большаков—Прорыв	38
Ив. Строд—В Восточно-сибирской тайге	41
А. Федоров—Последний бой	49
А. Воронин—Владивостокское подполье	52
А. Ширямов и Дм. Кудрявцев—Тетюхинское восстание	57
Н. Ильюхов и М. Титов—Неудавшийся десант	65
Тамара Головина—По крейсеру из берданки	75
Л. Карпов—Накануне	78
Л. Карпов—Переворот	86